

Чинция Арруцца
Тити Бхаттачарья
Нэнси Фрэйзер

ФЕМИНИЗМ ДЛЯ 99%

МАНИФЕСТ

Чинция Арруцца, Тити Бхаттачарья, Нэнси Фрэйзер

Феминизм для 99 процентов. Манифест: пер. с англ. / Чинция Арруцца, Тити Бхаттачарья, Нэнси Фрэйзер. — Москва: Радикальная теория и практика, 2020. — 84 с.

Cinzia Arruzza, Tithi Bhattacharya, Nancy Fraser

Feminism for the 99 Percent. A Manifesto. Verso, 2019.

ISBN-13: 978-1-78873-442-4

Copyright © 2019, Gius. Laterza & Figli, All rights reserved

Перед вами феминистский антикризисный манифест. Феминизм для 99 процентов говорит о проблемах, знакомых 99 процентам современных женщин, и в решении этих проблем стремится преобразовать общество. Авторки манифеста не считают убедительной стратегию либеральных феминисток, уповающих на «равенство» в условиях существующего общественного строя. Сторонницы феминизма для 99 процентов желают показать значимость своего бесплатного и дешёвого труда, устроив всеобщую женскую забастовку нового типа, а затем и вовсе порвать с капиталом, прекратив обслуживать его, — и построить новые структуры общества на принципах антикапитализма, антисексизма, антирасизма и экологичности. Какие альтернативы видит феминизм для 99 процентов? И как хочет их воплощать? Читайте в «Манифесте».

Издательство «Радикальная теория и практика»

Москва, 2020

Подъём глобального феминизма

Манифест, который вы держите в руках, написан американскими исследовательницами, но этот текст не только об американском феминизме. Три его авторки — Чинция Арруцца, Нэнси Фрэйзер и Тити Бхаттачарья — в марте 2017 года устроили женскую забастовку в Соединённых Штатах, выстроив одну из самых крупных левых феминистских коалиций за последние десятилетия. Вдохновившись масштабными женскими протестами в Польше и Аргентине за право на аборт и против насилия над женщинами в 2016-м, а также многомиллионным женским маршем против Трампа в январе 2017-го, они призвали женщин США объединиться в движение Феминизма для 99 процентов и на одни сутки полностью отказаться от домашнего и любого другого труда, выйдя на демонстрацию в рабочий день восьмого марта. Откуда взялось такое название и как возникла идея забастовки?

Обновлённое название для левой феминистской стратегии придумала Нэнси Фрэйзер, позаимствовав знаменитый лозунг движения Occupy Wall Street 2011 года — «*We are the 99 percent*» («Мы — 99 процентов»). Почти десять лет назад участники этого легендарного демократического движения захватили нью-йоркский парк Цукотти с требованиями положить конец системе, в которой один процент самых богатых людей планеты — банкиров с Уолл-стрит и элитных политиков — аккумулирует в своих руках большую часть ресурсов человечества. Протестующие назвали себя 99 процентами, объединив под этой фразой всех, кто не имеет в собственности мирового банка или десяти квартир на Манхэттене и кто вынужден продавать свой наёмный труд, чтобы выжить. Фрэйзер использовала ставшую классической формулу «99 против одного процента», чтобы обозначить тот тип политического феминизма, который нужен сегодня, чтобы разрушить несправедливую капиталистическую систему с её растущей гендерной, классовой и расовой иерархией.

Феминизм для 99 процентов — это феминизм мирового демократического большинства, направленный против финансовой и политической элиты. Его главным врагом выступает узкий класс привилегированных управленцев и владельцев международных корпораций, чьи головные офисы сконцентрированы преимущественно в странах так называемого глобального Севера. Феминизм 99 процентов, в отличие от либерального феминизма топ-менеджеров, видит своей задачей качественное изменение жизни большинства женщин (а не только нескольких особо «талантливых»), то есть жизней бедных, безработных, мигранток, чёрных, азиаток, квир- и транс-женщин, матерей-одиночек, домашних работниц, парикмахерок, официанток, у которых не хватает денег на еду и жильё.

Почему для левой феминистской акции в 2017-м была выбрана стратегия забастовки? Впервые идею женской забастовки предложили польские активистки в ответ на очередной запрет права на аборт осенью 2016-го. Забастовочную инициативу быстро подхватили феминистки в Аргентине, Чили и Мексике, выступив с призывом организовать единый международный день без женщин 8 марта 2017-го. В феврале на призыв аргентинских активисток откликнулись в США. В протестном репертуаре феминистских движений всеобщая женская забастовка является наиболее радикальной формой борьбы. Она представляет собой крайний левый шаг, который предпринимают феминистские активистки, чтобы озвучить свои требования и сделать их максимально видимыми. В случае с польскими и аргентинскими движениями к методу забастовки активистки обратились, чтобы добиться репродуктивной справедливости (права на аборт) и прекратить насилие над женщинами.

Философы и исследовательницы феминистских движений, Арруцца, Фрэйзер и Бхаттачарья увидели в новом глобальном феминистском подъёме 2016–2017 годов возможности для левого вмешательства. Раньше, чем кто-либо другой из политических аналитиков и активисток, они заметили в современных многомиллионных феминистских движениях радикальный потенциал и набирающую обороты демократическую силу, направленную не только против домашнего насилия над женщинами, но и против всей существующей системы и её институтов. Они разглядели в глобальных женских мобилизациях, которые прямо сейчас происходят в Бразилии, Турции, Иране, России, Индии, Франции и десятках других стран, ростки и площадку для антикапиталистического и антинеолиберального сопротивления.

Обо всех этих мировых женских движениях и их требованиях нет почти ни слова в книге, но именно они послужили условием для её написания и публикации. Именно их

активистки организовали перевод «Феминизма для 99 процентов» на более чем двадцать языков всего через пару месяцев после официального выпуска англоязычной версии. Совсем недавно вышел арабский перевод книги. Новая, русскоязычная, версия манифеста присоединяется к десяткам других, уже существующих, публикаций и новой волне феминистских протестов, раскиданных по всей планете: от Пекина до Сантьяго.

Манифест феминизма для 99 процентов предлагает начать сложный разговор о том, к какому обществу мы стремимся и какие изменения нужны для достижения реального, а не фиктивного гендерного равенства. У этого текста три главные задачи. Во-первых, он напоминает о базовых ориентирах нашей прогрессивной борьбы 1970–2020-х: достижение всеобщей гендерной, расовой, классовой и экологической справедливости. Во-вторых, манифест вселяет надежду на то, что именно феминистски в разных странах могут стать и уже становятся одними из главных действующих сил в протестах против капиталистической дискриминации. Кроме того, данный манифест предлагает преодолеть национальные границы, оживив забытую традицию феминистских интернационалов, сетей солидарных действий и взаимопомощи между активистками, живущими в разных частях света.

Пара слов о том, чего вы здесь точно не найдёте. Вам не ответят, что делать и как жить. Тут не будет политических советов. В тексте нет готового списка позитивных требований левых феминисток: об этом придётся думать самостоятельно. Вы не узнаете, какие альтернативные институты могли бы предложить феминистки взамен текущих капиталистических, государственных и недемократических структур. Вместо этого мы должны будем сами разобраться в истории социалистических и анархистских экспериментов, чтобы совместно решить, как может выглядеть не-капиталистическое общество, и каких ошибок стоит избежать. Наконец, нам не расскажут об уже существующих феминистских инициативах по созданию более горизонтального общества, чьи активистки круглыми сутками продолжают вести борьбу с капитализмом и патриархатом, каждый день сдвигая на своём пути горы. Феминизм для 99 процентов уже здесь, между нами. Осталось сделать его голос увереннее и громче.

Анастасия Кальк,

научная редакторка русскоязычного издания

«Феминизма для 99 процентов»,

аспирантка факультета политики

Новой школы социальных исследований,

Нью-Йорк, философ, социолог, феминистка

Социальное истощение,

или Феминизм для 99 процентов в российском контексте

Публикуемый манифест предлагает диагностику и показывает противоречия современного состояния разных обществ. Эти противоречия оказываются вариантами одной политики финансового олигархического патриархата, или «новой формы эффективности», построенной на новой/прежней форме социального неравенства. Такой подход даёт возможность говорить об интернациональности консолидированного противостояния во всех типах политических культур, с каким бы историческим багажом они не вступили в современный этап. Эта всеобщность проблем позволяет перейти к концептуальной аналитике, в меньшей степени зависимой от рамок политической теории XIX–XX веков или дискуссий о волнах феминизма. Эта новая всеобщность обнаруживается в международном росте феминистских протестных движений. Они стали наиболее массовыми, убедительными и консолидированными, начиная с Чёрного протеста в Польше 2016 года и далее в Бразилии, Америке, Турции, России. Российские феминистские митинги запрещаются, но мы можем видеть активность движения на пикетах, в сетевых группах и в разного рода инициативах. Мы также можем заметить, что феминизм становится политикой, и не политикой для женщин, а освобождающей политикой для всех. Но почему именно феминизм, можно ли найти этому теоретическое объяснение?

За последние десятилетия современный тип правления успешно выстроил общество социального неравенства, в котором всё, что традиционно понималось как женское (хотя не всегда выполнялось женщинами), то есть природное воспроизводство (родительство, жизнеобеспечение — забота, здоровье, родственные и социальные связи), оказывается в ситуации самой уязвимой и одновременно наделённой наибольшей социальной ответственностью. Хрупкая повседневная реальность, рождение и жизнь детей, забота о старшем поколении, эмоциональное обслуживание — неоплачиваемый труд в основном женщин. Эта новая эффективность финансового олигархического патриархата полагает, что передача ресурсов на воспроизводство общества, его гражданских структур (медицинского обслуживания, образования, общественных инициатив и уровня жизни) — излишняя трата, которая вредит эффективности бизнеса.

Это очень напоминает принцип эффективности раннего капитализма, когда люди изгонялись со своих земель, лишались средств существования и становились наёмными рабочими. В период формирования капитализма наёмного труда сложилась форма бесконечной мобилизации милитаристского типа: тела рабочего и солдата не имели собственной ценности и были готовы к бесконечной эксплуатации. Другая сторона этой эффективности обеспечивалась выведением женского репродуктивного труда и труда жизнеобеспечения в область природного бесконечного ресурса, не требующего материальных вложений. Разумеется, это сопровождалось насаждением мизогинии, гендерной иерархии и правовой инфантилизацией женщин — недопущением самой возможности их политического представительства. Это и есть «природа женской доброты и заботы», охотно и неисчерпаемо поставляющей новую трудовую силу. Поэтому класс не исключает гендер, они вложены и дополняют друг друга. Это то, что мы можем прочесть в книгах Розы Люксембург, Александры Коллонтай, Августа Бебеля и в большом количестве трудов политических теоретиков социализма и феминистского марксизма (например, в недавно переведённой книге Сильвии Федеричи «Калибан и ведьма»).

Подобная структурная аналитика класса+гендера вызывала бурные дебаты феминисток-марксисток и кадеток на Первом всероссийском съезде женщин в Петербурге в 1908 году, когда Коллонтай во время своего выступления говорила о том, что без радикальных социальных трансформаций феминистское движение рискует получить только пару новых приютов для женщин, но не политические права. Феминистки-юристки ещё в 1906 году подготовили для Первой государственной думы 200 поправок, касающихся гендерного равенства, в корпус законов Российской империи, что стало концептуальной базой для первых советских декретов о браке, о незаконных детях, о разводе. Та же полемика внутри Второго интернационала привела к организации Женских конференций. Женское равноправие в России, полученное в 1917 году после Февральской революции и законодательно обеспеченное советскими декретами, усилило позиции равноправия в тех странах, где было сильное феминистское и социалистическое

движение: в Германии, Польше, США, Англии и других. На известных снимках, где американские суфражистки стоят с плакатами перед Белым домом, написано обращение к президенту Вильсону: если в США — демократия, а в Советской России — тирания, то почему 20 миллионов американских женщин не имеют избирательных прав? Наконец, созданная феминистским марксизмом, социальная система бесплатного здравоохранения, образования, с детскими садами, районными прачечными и была моделью нового общественного воспроизводства и решением проблемы «невидимого» женского труда и бытовой эксплуатации. И она остаётся примером и нашего времени, несмотря на все её исторические издержки.

Когда в позднем СССР, будучи студенткой, я читала книги феминисток-марксисток, они казались мне историей. Актуально было не устанавливать, а улучшать созданные в 20-е годы институты всеобщего образования, здравоохранения, а также бороться с идеологической цензурой за культурное обогащение и глобальные коммуникации. Тогда феминизм для меня, как и в первом и втором мире, был по преимуществу «культурным феминизмом», который делал видимым ограничения культурного канона, бытовой сексизм, цисгендерный фундаментализм. Революционные завоевания феминисток и социалисток, женотделов и Пролеткульта первой трети XX века нам казались навсегда закреплёнными: охрана трудовых прав, стабильная зарплата, оплачиваемый отпуск и бесплатные детский сад и школа в шаговой доступности. Но сейчас именно это под ударом, и «культурный», «психоаналитический», «эпистемологический» феминизмы вновь превращаются в политический феминизм для 99 процентов.

У феминизма всегда были союзники: пролетарии, антирасистские, антивоенные движения. Сейчас союзником феминизма оказывается многочисленный прекариат. Феминизм всегда на стороне уязвимого существования, он провозглашает политики заботы и ценность воспроизводства общества. Труд заботы — это не низкооплачиваемый труд по уходу и это не организация заводской столовой, это перевод политики от абстрактных догм экономической эффективности в конкретность политик существования. Важно, что политики заботы начинаются «снизу» и строятся на опыте конкретных людей, их гражданских связей. Они локальны, но у них есть глобальное измерение — повышение ценности и качества жизни, создание условий для социального и культурного развития. Люди в повседневных политиках заботы изобретают новые политические практики, которые помогают формировать необходимые социальные институты, в то время как политики властного управления стремятся законсервировать притупленные абстрактные и репрессивные модели и разрушить гражданские связи. Политики заботы — это новое имя для переизобретения общества без «рабства» наёмного труда, и ради изобретения множества новых видов деятельности, наделяния культурной, этической ценностью невидимого труда «общественного воспроизводства».

Современные баталии вокруг выбора сексуальности и гендера с одной стороны и неоконсерватизма — с другой — характеризуются повышением чувствительности к телесному существованию и переосмыслением границ личного и публичного. Но вместо того, чтобы принимать и обустривать новые возможности, люди, провоцируемые провластными организациями и медиа, стравливаются друг с другом. Это и есть часть стратегии разделять и властвовать, разрушать гражданскую солидарность, не допускать объединения людей против политики социального неравенства, контроля и эксплуатации человеческого ресурса, т. е. новой формы управления в условиях информационного общества. Теперь, при современном уровне образования и широком доступе к знаниям, намного труднее называть неравенство естественным и природно данным, убеждать, что данный мир — единственно возможный. Но оказалось реальным изъять ресурсы у общества и столкнуть между собой группы, ведущие разный образ жизни. Но процентное соотношение 1/99 — это не только финансовое распределение в пользу одного процента, но также и интеллектуальное и творческое распределение в пользу 99 процентов. Один процент не способен переизобрести общество в его меняющихся условиях, он занят защитой привилегий и панически опасается изменений, погружая политику, общественные институты и экологию в катастрофу.

Поэтому солидарность прекариев, гендерная солидарность в сфере политик заботы и солидарности становятся общей политической необходимостью. Важно пересобрать опыт исторической феминистской политики, переосмыслить её актуальность. Более чем столетняя история феминистской борьбы за надделение ценностью и качеством

существования хрупких жизней показала установление новых социальных институтов. Сейчас это спектр требований от всеобщего базового дохода и всеобщего бесплатного доступа к здравоохранению и образованию к разворачиванию творческого потенциала каждого — это новая политическая универсалия. Она крайне опасна для власти и её циничной цели возвращения социальной иерархии ради бесконечного выжимания ресурса из общества, которое метафорически можно представить как опустошённый и разбитый каньон или высыхающее Аральское море. Воспроизводство общества, рождение и выращивание людей, их радость и деятельность составляют основу любой политэкономии и культуры, именно это должно стать целью новой модели совместной жизни.

Закончу цитатой о целях феминистской философии из книги «Хтулуцен: Создавать родство, быть в смуте» Донны Харауэй (готовится к публикации издательством *HylePress*): «идущие против патриархальной генеалогии, мы помогли обезвредить ощущение естественной связи расы и нации, хотя эта работа никогда не кончается, и мы расплели пути пола и гендера, хотя и с ним мы не покончили. Феминистки также сыграли важную роль в обезвреживании претензий человеческой исключительности. Неудивительно, что совместной работы по укреплению сетей, обрезанию некоторые связей и завязыванию других ещё очень много, чтобы жить и умирать достойно в обитаемом мире».

Алла Митрофанова,

СПб, философия, участница

Киберфеминистского интернационала

Это манифест для 99 процентов

Недоступное жильё, низкая зарплата, дорогая медицина, пограничный контроль, изменение климата — обычно феминистки об этом не говорят. Но разве не с этими огромными трудностями сталкиваются подавляющее большинство женщин во всём мире?

Этот манифест вдохновлён новой волной феминистского активизма, охватившей весь мир, и основной тезис его силён и прост. Поскольку феминизм не должен ни начинаться — ни заканчиваться — на требовании равного присутствия женщин на высших должностях, он должен сосредоточиться на тех, кто внизу, и бороться за мир, которого они заслуживают. А это значит — против капитализма.

Феминизм должен быть антикапиталистическим, экосоциалистическим и антирасистским.

Посвящается коллективу Комбахи Ривер, который предвидел путь с самого начала, а также польским и аргентинским забастовщицам-феминисткам, которые открывают новые горизонты сегодня

Перепутье

Весной 2018 года главный операционный директор Фейсбука Шерил Сэндберг заявила, что «было бы намного лучше, если бы половину всех стран и компаний возглавляли женщины, а половину всех домохозяйств вели мужчины», и что «мы не должны быть довольны, пока не достигнем этой цели». Ведущая представительница корпоративного феминизма, Сэндберг к этому моменту уже заработала себе имя (и деньги), призвав менеджерок «поудобнее усесться за столом» совета директоров компаний. Как и бывший руководитель аппарата министра финансов США Ларри Саммерс, человек, сокративший государственное регулирование Уолл-стрит, она без колебаний советует женщинам добиваться успеха в мире бизнеса с помощью жёсткости — залога достижения гендерного равенства.

Весной того же года воинственная феминистская забастовка парализовала Испанию. Вместе с более чем пятью миллионами демонстрантов организаторки круглосуточной *huelga feminista* призывали к созданию «общества, свободного от сексистского угнетения, эксплуатации и насилия... к восстанию и борьбе против союза патриархата и капитализма, требующего от нас послушания, покорности и безмолвия». Когда солнце садилось над Мадридом и Барселоной, участницы феминистской забастовки объявили: «Восьмого марта мы складываем руки и прерываем всю производственную и репродуктивную деятельность», и сказали, что они «не согласны на худшие условия труда и меньшую плату за ту же работу, что и мужчины».

Это и есть два пути развития феминистского движения. С одной стороны, Сэндберг и ей подобные считают феминизм слугой капитализма. Они хотят мира, в котором задачи управления эксплуатацией на рабочем месте и угнетения в обществе в целом были бы в равной степени разделены между мужчинами и женщинами, принадлежащими к правящим классам. Это показательная версия феминизма равных возможностей для доминирования, который требует, чтобы простые люди во имя феминизма были благодарны, что именно женщина, а не мужчина, разрушает их профсоюз, приказывает дрону убить их родителей или сажает их ребенка в клетку на границе. В отличие от либеральной феминистки Сэндберг, организаторки *huelga feminista* настаивают на *уничтожении капитализма* — системы, порождающей начальство, создающей национальные границы и производящей беспилотники для их охраны.

На перепутье между двумя феминизмами мы понимаем, что у нашего выбора будут последствия. Первый путь ведёт к выжженной планете, где человеческая жизнь будет неузнаваемо жалкой, если вообще будет. Другой — к самым возвышенным мечтам человечества, справедливому обществу, где есть место богатству и природным ресурсам, которые принадлежат всем, и где равенство и свобода — не устремление, а данность.

Трудно найти более резкий контраст. Нам придётся сделать выбор прямо сейчас, потому что третьего пути не дано. Неолиберализм лишил нас альтернатив. Эта исключительно хищническая финансовая форма капитализма царит во всём мире уже сорок лет. Система отравляет атмосферу, издевается над любыми претензиями на демократическое правление, исчерпывает наши социальные возможности до предела и ухудшает условия жизни подавляющего большинства людей. Капитализм повышает ставки любой социальной борьбы, превращая борьбу за скромные реформы в отчаянную схватку за выживание. В таких условиях медлить нельзя. Феминистки должны определиться со своей позицией: будем ли мы и впредь стремиться к «равным возможностям для доминирования», пока планета пылает? Или же переосмыслим гендерную справедливость в антикапиталистическом аспекте, который поможет нам выйти из текущего кризиса и приведёт нас к построению нового общества?

Этот манифест — краткое изложение второго типа феминизма, который мы считаем правильным и осуществимым. Сегодня антикапиталистический феминизм стал мыслимым отчасти потому, что доверие к политическим элитам во всём мире падает. Среди жертв этого падения — не только левоцентристские и правоцентристские партии, которые пропагандировали неолиберализм и от которых сейчас почти ничего не осталось, но и их корпоративные феминистские союзницы вроде Сэндберг, «прогрессивный» налёт которых уже утратил свой блеск. Либеральный феминизм достиг своего апогея на президентских выборах 2016 года, когда широко поддерживаемая кандидатура Хиллари Клинтон не смогла привлечь избирательниц. Для этого были веские причины: Клинтон символизировала разницу между фактом появления женщин

на высоких постах и возможностями для улучшения условий жизни подавляющего большинства населения страны.

Поражение Хиллари Клинтон — сигнал к пробуждению. Разоблачая несостоятельность либерального феминизма, это событие открывает возможности для противостояния ему слева. В вакууме, порождённом упадком либерализма, у нас есть шанс построить другой феминизм, который иначе определяет феминистские проблемы, отличается иной классовой ориентацией и другим настроем — радикальным и преобразующим.

Наш манифест — попытка продвинуть «другой» феминизм. Мы пишем это не чтобы обрисовать воображаемую утопию, а чтобы наметить путь к справедливому обществу. Мы стараемся объяснить, почему феминистки должны бастовать, объединяться с другими антикапиталистическими и антисистемными движениями и почему наше движение должно стать *феминизмом для 99 процентов*. Только так, объединяясь с другими движениями — антирасистским, экологическим, трудовым, феминизм может ответить на вызовы нашего времени. Решительно отвергнув доктрину «усаживания за стол» и феминизм одного процента, *наш* феминизм может стать маяком надежды для всех.

Новая волна воинствующего феминистского активизма даёт нам смелость начать этот проект. Это не корпоративный феминизм, который оказался столь катастрофическим для работающих женщин и утрачивает их доверие, и не тот «феминизм микрокредитов», который заявляет, что «расширит права и возможности» женщин глобального Юга, предоставляя им микрокредиты. Напротив, надежду нам внушают международные феминистские и женские забастовки 2017 и 2018 годов. Именно эти забастовки и всё более скоординированные движения, которые развиваются вокруг них, сперва вдохновили, а потом и воплотили в жизнь проект феминизма для 99 процентов.

Тезис 1. Новая волна феминизма переизобретает забастовку

Недавнее феминистское забастовочное движение началось в Польше в октябре 2016 года, когда больше 100 000 женщин вышли на улицы, протестуя против запрета абортов в стране. К концу месяца радикальные возмущения перекинулись через океан в Аргентину, где бастующие женщины отреагировали на гнусное убийство шестнадцатилетней Лусии Перес воинственным криком «Ni una menos!» Вскоре женские протесты распространились на Италию, Испанию, Бразилию, Турцию, Перу, США, Мексику, Чили и десятки других стран. С улиц движение перекинулось на рабочие места и школы, захватив, в конечном счёте, шоу-бизнес, СМИ и политику. За последние два года его лозунги получили сильный резонанс во всём мире: #NosotrasParamos, #WeStrike, #VivasNosQueremos, #NiUnaMenos, #TimesUp, #Feminism4the99. Сначала это была рябь, затем волна, а потом прилив, ставший довольно мощным. Теперь это новое глобальное феминистское движение может набрать достаточно сил, чтобы переключить политическую карту.

Серия локальных акций превратилась в транснациональное движение 8 марта 2017 года, когда организаторки по всему миру решили нанести совместный удар. Этим смелым жестом они вновь придали политический характер Международному женскому дню. Отбросив в сторону его деполитизированные атрибуты — завтрак в постель, коктейль «Мимоза» и подарочные сертификаты — забастовщицы возродили забытые исторические корни рабочего женского движения и социалистического феминизма. Действия современных активисток напоминают мобилизации женщин рабочего класса начала XX века — в первую очередь забастовки и массовые демонстрации, которые проводили в США преимущественно иммигрантки и еврейки, вдохновившие американское социалистическое движение на организацию первого Национального женского дня, а немецких социалисток Луизу Цитц и Клару Цеткин — на провозглашение Международного женского дня.

Сегодняшние феминистские забастовки возрождают боевой дух и подтверждают, что наши корни уходят в историческую борьбу за права трудящихся и социальную справедливость. Объединяя женщин, разделённых океанами, горами и континентами, а также границами, заборами из колючей проволоки и стенами, они придают новый смысл лозунгу «Солидарность — наше оружие». Прорвавшись через изоляцию внутренних и символических стен, забастовки показывают огромный политический потенциал женской силы — *мощь тех, чей оплачиваемый и неоплачиваемый труд удерживает мир на плаву.*

Растущее движение изобрело *новые способы забастовки*, а саму забастовку превратило в *новую форму политики*. Это движение совмещает остановку работы с шествиями, демонстрациями, закрытием малых предприятий, блокадами и бойкотами, и тем самым пополняет протестный репертуар забастовочных акций, который некогда был широким, но сузился за годы неолиберализма. В то же время эта новая волна демократизирует забастовки и расширяет сферу их применения — в первую очередь потому что расширяет понятие «труда». Забастовки женщин связаны не только с отрывом от оплачиваемой работы, но и с отказом от домашней работы, секса и эмоционального обслуживания. Подчёркивая незаменимую роль гендерно маркированного неоплачиваемого труда в капиталистическом обществе, забастовщицы обращают внимание на бесплатную деятельность, приносящую прибыль капиталу. И в сфере оплачиваемой работы забастовщицы придерживаются решительных взглядов на всё, что относится к сфере труда. Они говорят не только о зарплате и продолжительности рабочего дня, но и о проблемах сексуальных домогательств, репродуктивной свободы и ограничений на проведение забастовок.

В результате новой феминистской волне удаётся преодолеть упорное противостояние между «политикой идентичности» и «классовой политикой». Раскрывая единство «рабочего места» и «частной жизни», она отказывается ограничивать свою борьбу этими сферами. Переосмысление понятия «труда» и «трудящихся» позволяет отвергнуть концептуальную недооценку капитализмом женского труда — как оплачиваемого, так и неоплачиваемого. В целом феминизм женской забастовки открывает возможности для наступления новой, беспрецедентной фазы классовой борьбы: феминистской, интернациональной, экологической и антирасистской.

Сейчас самое время вмешаться. Некогда мощные профсоюзы, в основном трудящихся

обрабатывающей промышленности, очень слабы. Активистки оживили классовую борьбу на другой арене: борьбы против неолиберального наступления на здравоохранение, образование, пенсии и жильё. Нацелившись на эту составляющую 40-летней атаки капитала на условия жизни рабочего и среднего класса, они обратили своё внимание на труд и услуги, необходимые для поддержания жизни людей и сообществ. Именно здесь, в сфере общественного воспроизводства, наиболее интенсивны наступления и ответные удары. От волны забастовок учителей в Соединённых Штатах до борьбы с приватизацией воды в Ирландии и забастовок сантехников-далитов в Индии — все эти группы, возглавляемые и поддерживаемые работницами, встают против посягательств системы на общественное воспроизводство. Хотя перечисленные забастовки официально не связаны с международным женским забастовочным движением, они имеют с ним много общего. Они высоко ценят работу, необходимую для воспроизводства нашей жизни, и в то же время выступают против эксплуатации труда; они требуют повышения заработной платы и сохранения рабочих мест и увеличения государственных расходов на социальные услуги. Кроме того, в Аргентине, Испании и Италии забастовочный феминизм получил широкую поддержку со стороны сил, выступающих против политики жёсткой экономии. К массовым демонстрациям протеста в защиту школ, здравоохранения, жилья, транспорта и охраны окружающей среды присоединились не только женщины и гендерно неконформные люди, но и мужчины. Противодействуя атакам финансового капитала на общественные блага, феминистские забастовки становятся катализатором и моделью широкомасштабных усилий по защите наших сообществ. Новая волна воинствующего феминистского активизма вновь возвращает нас к идее невозможного: мы хотим и хлеба, и роз. Хлеба, который десятилетиями неолиберализма крали с нашего стола, и красоты, подпитывающей наш дух радостью восстания.

Тезис 2. Либеральный феминизм несостоятелен. Пора с ним покончить

Мейнстримные СМИ продолжают приравнивать *феминизм* как таковой к *либеральному феминизму*. Но либеральный феминизм — это не решение проблемы, а её часть. В странах глобального Севера он развивается в среде менеджерок-профессионалок и ориентирован на «проникновение во власть» и «разрушение стеклянного потолка». Стремясь дать возможность малому количеству привилегированных женщин подняться по служебной лестнице, либеральный феминизм пропагандирует рыночно-ориентированный взгляд на равенство, полностью соответствующий корпоративному увлечению идеей «этнического и социокультурного многообразия». Формально осуждая «дискриминацию» и выступая за «свободу выбора», либеральный феминизм упорно отказывается решать социально-экономические проблемы, которые делают свободу и расширение прав невозможными для подавляющего большинства женщин. Его истинная цель — не равенство, а меритократия. Вместо того чтобы стремиться к отмене социальной иерархии, либеральный феминизм направлен на её «диверсификацию», «расширение прав и возможностей» «талантливых» женщин, с тем чтобы они могли подняться на самую вершину. Рассматривая женщин просто как «недостаточно представленную группу», сторонники этого подхода хотят предоставить немногим привилегированным женщинам возможность занимать должности и получать доход наравне с мужчинами *из их собственного класса*. По определению такой подход выгоден в основном тем, кто уже обладает значительными социальными, культурными и экономическими преимуществами. Все остальные по-прежнему вынуждены сидеть в подвале.

Либеральный феминизм перераспределяет угнетение. С его помощью профессиональные менеджерки действительно могут проникнуть в высшие эшелоны управления, опираясь на низкооплачиваемый труд мигранток, которым они перепоручают работу по дому. Нечувствительный к классу и расе, такой феминизм связывает наше движение с элитизмом и индивидуализмом. Представляя феминизм как «автономное» движение, он ассоциирует нас с политикой, наносящей вред большинству, и отделяет нас от тех, кто борется против системы. Если коротко, либеральный феминизм порочит имя феминизма.

Характер либерального феминизма сочетается не только с корпоративными нравами, но и с якобы «трансгрессивными» течениями неолиберальной культуры. Увлечённость такого феминизма индивидуальным развитием захватывает и мир знаменитостей из социальных сетей, что тоже связывает феминизм с возвышением отдельных женщин. В этом мире феминистские идеи рискуют превратиться в модный хештег и средство продвижения, используемое не столько для освобождения многих, сколько для возвышения немногих.

В общем, либеральный феминизм обеспечивает идеальное алиби для неолиберализма. Он закрывает регрессивную политику ширмой эмансипации и позволяет силам, поддерживающим глобальный капитал, изображать себя прогрессивными. Он одновременно выступает в союзе с глобальными финансовыми институтами в США и оправдывает исламофобию в Европе. Это феминизм влиятельных женщин: корпоративных гуру, проповедующих «проникновение во власть», фемократок, продвигающих структурные преобразования и микрокредиты на глобальном Юге, профессиональных политиков в брючных костюмах, получающих миллионы за выступления на Уолл-стрит.

Наш ответ феминизму «проникновения» — феминизм *противостояния*. Мы не заинтересованы в том, чтобы разбить стеклянный потолок, оставив подавляющее большинство людей убирать осколки. Мы далеки от того, чтобы чествовать руководительниц, занимающих ключевые должности в офисах. Мы хотим избавиться и от руководительниц, и от их офисов.

Тезис 3. Нам нужен антикапиталистический феминизм - феминизм для 99 процентов

Феминистки, которые говорят о новом типе феминизма, признают, что он должен реагировать на кризис эпохальных масштабов: на резкое падение уровня жизни и надвигающуюся экологическую катастрофу; на бушующие войны и усиление неравенства; на массовые миграции, новые стены из колючей проволоки; на подъём расизма и ксенофобии, сворачивание с трудом добытых прав — как социальных, так и политических.

Мы бы хотели решить эти проблемы. Отказываясь от полумер, феминизм, о котором мы мечтаем, стремится свергнуть капитализм. Отказываясь жертвовать благосостоянием многих ради защиты свободы немногих, наш феминизм выступает на стороне большинства женщин — из беднейшего и рабочего класса, мигранток, квир, транс-женщин и женщин с инвалидностью, тех, кого призывают считать себя представительницами среднего класса, несмотря на то, что их тоже эксплуатирует капитал. Но это ещё не всё. Наш феминизм не ограничивается «женскими вопросами» в их традиционном понимании. Защищая интересы всех, кто подвергается эксплуатации, доминированию и угнетению, феминизм стремится стать источником надежды для всего человечества. Вот почему мы называем наш проект *феминизмом для 99 процентов*.

Вдохновлённый новой волной женских забастовок, феминизм для 99 процентов вышел из горнила опыта, основанного на размышлениях. Поскольку неолиберализм меняет формы гендерного угнетения прямо сейчас, мы видим, что женщины и гендерно неконформные люди могут реализовать права, которыми они обладают на бумаге, только путём преобразования основ ущемляющей социальной системы. Право на аборт само по себе мало что значит для женщин из бедноты и рабочего класса — у них нет ни денег на процедуру, ни доступа к медицинским учреждениям, где можно её сделать. Напротив, репродуктивная справедливость предполагает бесплатное, всеобщее, некоммерческое медицинское обслуживание и прекращение расистских и евгенических практик в медицине. Схожим образом для бедных женщин и женщин из рабочего класса равенство в оплате труда может означать только равенство в нищете, если оно не будет сочетаться с работой, обеспечивающей достойный уровень жизни, с правами трудящихся и с новой организацией домашней работы и заботы. Кроме того, законы, криминализирующие гендерное насилие, — жестокий обман, поскольку они не учитывают структурный сексизм и расизм в системах уголовного правосудия, не критикуют жестокость полиции, массовые аресты, угрозы депортации, военные интервенции, харассмент (домогательство. — *Прим. ред.*) и абьюзивные отношения (где один является агрессором. — *Прим. ред.*) на рабочем месте. Наконец, юридическая эмансипация остаётся пустым звуком, если не включает в себя социальные услуги, безопасное жильё и финансовую помощь женщинам, которые хотят вырваться из плена насилия в семье или на работе.

Феминизм для 99 процентов стремится к глубоким преобразованиям общества. Вот почему, в двух словах, он не может сепарироваться. Наоборот, мы предлагаем присоединиться ко всем движениям, которые борются за интересы 99 процентов, будь то борьба за экологическую справедливость, бесплатное высококачественное образование, социальные услуги, доступное жильё, права трудящихся, всеобщее бесплатное здравоохранение, мир без расизма или войны. Только вместе с такими движениями мы обретём силу и видение того, как разрушить социальные отношения и институты, угнетающие нас.

Феминизм для 99 процентов призывает к классовой борьбе и борьбе с институциональным расизмом. В центре его внимания — проблемы женщин рабочего класса всех групп: дискриминируемых по расовому признаку, мигранток и белых; цисгендерных, трансгендерных и гендерно неконформных; домохозяек и секс-работниц; получающих оплату по часам, неделям, месяцам и вовсе не получающих её; безработных и имеющих непостоянные доходы; молодых и пожилых. Стойко придерживаясь принципов интернационализма, наш феминизм решительно выступает против империализма и войны. *Феминизм для 99 процентов — не только против неолиберализма, но и против капитализма.*

Тезис 4. То, с чем мы сегодня сталкиваемся, — это кризис общества в целом, и первопричина этого кризиса — капитализм

Для многих аналитиков 2007–2008 годы ознаменовали собой начало самого тяжёлого финансового кризиса с 1930-х годов. Это понимание верное, но не исчерпывающее. Мы столкнулись с *кризисом общества в целом*. Не только с финансовым кризисом, но и с кризисом экономики, экологии, политики и «заботы». В основе этого кризиса организации общества лежит кризис современной формы *капитализма*: глобальной, финансовой, неолиберальной.

Капитализм не только живёт, эксплуатируя наёмный труд, но и пользуется бесплатными благами природы, общества и неоплачиваемым репродуктивным трудом. Стремясь к неограниченной прибыли, капитал расширяется за счёт всех этих вещей, не платя за них (за исключением случаев, когда он вынужден это делать). Капитал разрушает природу, инструментализирует государственные структуры и управляет неоплачиваемой работой по уходу, и периодически дестабилизирует те самые условия, на которые он — вместе со всеми нами — рассчитывает, чтобы выжить. Кризис прописан в его ДНК.

Этот кризис капитализма особенно тяжёл. Четыре десятилетия неолиберализма привели к снижению зарплат, ущемлению трудовых прав, ухудшению состояния окружающей среды и узурпации энергии, позволяющей содержать семью и сообщества. Неудивительно, что массы людей во всём мире сейчас говорят: *«Баста!»* Открытые для новых идей, они отвергают старые политические партии и неолиберальный здравый смысл «свободной рыночной конкуренции», «просачивающейся экономики», «гибкого рынка труда» и «неустойчивого долга». Существующее лидерство и способы организации не справляются, и ощущение, что надо что-то делать, растёт.

Феминизм для 99 процентов относится к числу социальных сил, образовавшихся на этом проломе. Но мы не контролируем местность. Скорее мы делим её со многими враждебными игроками. Повсеместно активизируются правые движения, которые обещают улучшить положение семей «правильной» этнической принадлежности, национальности и религии, положив конец «свободной торговле», ограничив иммиграцию и права женщин, небелого населения и ЛГБТК+. С другой стороны, доминирующие течения «прогрессивного сопротивления» продвигают не менее неприятную повестку. В своих попытках восстановить статус-кво сторонники глобальных финансовых институтов надеются убедить феминисток, антирасисток и экологов сплотиться со своими либеральными «покровителями» и отказаться от более масштабных эгалитарных проектов преобразований общества. Феминистки для 99 процентов против этого предложения. Мы отвергаем не только реакционный популизм, но и его прогрессивных неолиберальных оппонентов. *Мы намерены указать на истинный источник кризиса и страданий — капитализм — и противостоят ему.*

Иными словами, для нас кризис — это не просто время страданий и тем более не просто застой в получении прибыли. Важно понимать, что это также возможность для политического пробуждения и осуществления социальных преобразований. Во времена кризиса массы людей отказываются поддерживать власть имущих. Отвергая привычный политический курс, они начинают нащупывать новые идеи, организации и союзы. В таких ситуациях остро встают вопросы: кто будет направлять процесс социальных преобразований, в чьих интересах и с какой целью?

Подобный процесс, в ходе которого общий кризис реструктуризировал общества, уже несколько раз происходил в современной истории, в основном в интересах капитала. Стремясь восстановить рентабельность, его сторонники неоднократно переизобретали капитализм, перестраивая не только формальную экономику, но и политику, общественное воспроизводство и наше отношение к внечеловеческой природе. При этом они реорганизовали не только классовую эксплуатацию, но и гендерное и расовое угнетение, зачастую присваивая энергию сопротивления (в том числе феминистского) для проектов, приносящих максимальную пользу одному проценту населения.

Повторится ли этот процесс сегодня? Исторически сложилось так, что один процент всегда был равнодушен к интересам общества или большинства. Но сегодня они особенно опасны. В своём неуклонном стремлении к краткосрочной прибыли элиты не только не могут оценить глубину кризиса, но и ту угрозу, которую они представляют для здоровья капиталистической системы в долгосрочной перспективе: они скорее будут

добывать нефть сейчас, чем обеспечат экологические предпосылки для собственной прибыли!

В результате кризис, с которым мы сталкиваемся, угрожает *жизни в том виде, в каком мы её знаем*. Сложность решения этой проблемы ставит самые фундаментальные вопросы об устройстве общества: где мы проведём черту, отделяющую экономику от общества, общество от природы, производство от воспроизводства и работу от семьи? Как мы будем использовать социальные излишки, которые мы производим сообща? И кто именно будет решать эти вопросы? Удастся ли коммерсантам превратить социальные противоречия капитализма в новые возможности для накопления личного богатства? Смогут ли капиталисты подчинить себе феминистское сопротивление даже без гендерной иерархии? Или же массовое восстание против капитала дёрнет, наконец, стоп-кран в поезде, мчащемся к пропасти на всех парах? И если да, будет ли рычаг стоп-крана в феминистских руках? Если спросить нас, мы ответим: *да, будет*.

Тезис 5. Гендерное угнетение в капиталистических обществах основано на подчинении общественного воспроизводства производству ради прибыли

Мы хотим расставить все точки над *i*. Многие люди знают, что капиталистические общества — классовые по определению. В таких обществах меньшинству позволено накапливать частную прибыль, эксплуатируя большинство, вынужденное работать за зарплату. Мало кто осознаёт, что *капиталистические общества по определению — источник гендерного угнетения*. Сексизм — отнюдь не случайность, он тесно связан с самой их структурой.

Конечно, не при капитализме решили подчинить женщин. Так было и во всех предыдущих классовых обществах. Но капитализм создал новые, отчётливо «современные» формы сексизма, подкреплённые новыми институциональными структурами. *Главным его нововведением было разграничение между воспроизводством людей и получением прибыли, предоставление первого из этих процессов женщинам, а затем подчинение их второму процессу.*

Это извращение становится очевидным, если вспомнить, насколько важно и сложно на самом деле всё, что связано с воспроизводством людей. Эта деятельность не только создаёт и поддерживает жизнь в биологическом смысле; она также создаёт и поддерживает нашу работоспособность — или то, что Маркс назвал нашей «рабочей силой». А это означает формирование у людей «правильных» установок, склонностей, ценностей, способностей, компетенций и навыков. В целом труд по формированию человека создаёт некоторые фундаментальные предпосылки — материальные, социальные, культурные — для человеческого общества вообще и для капиталистического производства в частности. Без него ни жизнь, ни рабочая сила не смогли удержаться в человеке.

Мы называем эту обширную совокупность жизненно важных видов деятельности *общественным воспроизводством*.

В капиталистических обществах важнейшая роль общественного воспроизводства замаскирована и не признана. Не считаясь самостоятельной ценностью, рождение и воспитание детей рассматривается как простое средство получения прибыли. Поскольку капитал не платит за эту работу столько, сколько может, рассматривая деньги как всеобщее и окончательное благо, он переводит тех, кто выполняет работу по общественному воспроизводству, в положение, подчинённое не только собственникам капитала, но и более обеспеченным наёмным работникам, которые могут переложить ответственность за её выполнение на других.

Эти «другие» — в основном женщины. Ведь в капиталистическом обществе *организация общественного воспроизводства основана на гендере: она опирается на гендерные роли и закрепляет гендерное угнетение*. Поэтому общественное воспроизводство — это феминистский вопрос. Но он всегда находится на пересечении классовых, расовых, сексуальных и национальных различий. Феминизм, направленный на выход из сегодняшнего кризиса, должен воспринимать общественное воспроизводство со всеми осями господства и связями между ними.

В капиталистических обществах всегда существовало расовое разделение репродуктивного труда. Будь то посредством рабства или колониализма, апартеида или неоимпериализма, эта система принуждает группы женщин, которым приписывают расовую идентичность, к предоставлению репродуктивной работы бесплатно — или по очень низкой цене — этническому большинству или белым «сёстрам». Вынужденные усердно заботиться о детях и семьях своих хозяек или работодателей, они должны бороться ещё больше, чтобы заботиться о своих собственных. Кроме того, капиталистические общества исторически стремились использовать труд женщин в области общественного воспроизводства для усиления гендерной бинарности и гетеронормативности, поощряли матерей, учителей и врачей, в частности, к тому, чтобы детей воспитывали строго как цисгендерных и гетеросексуальных юношей и девушек. В то же время современные государства, стимулируя рождение «правильных» детей и стигматизируя «неправильных», выработали образовательную и семейную политику, направленную на создание не просто «людей», но, например, «немцев», «итальянцев» или «американцев», которых при необходимости можно призвать к жертвам ради нации. Наконец, у общественного воспроизводства классовый

характер. Предполагалось, что настоящих «рабочих» будут готовить с детства их матери и школы: послушных, уважительных к боссам и готовых признавать «своё место» и терпеть эксплуатацию. Такие планы никогда не срабатывали идеально. И в последнее время их регулирующая сила ослабевает. Но общественное воспроизводство всё ещё тесно переплетается с господством и борьбой против него.

Как только мы осознаем центральную роль общественного воспроизводства в капиталистическом обществе, мы больше не сможем рассматривать класс по-старому. Вопреки устоявшимся представлениям, класс в капиталистическом обществе — это не только отношения, которые напрямую эксплуатируют «труд», но и отношения, которые производят и пополняют его. Кроме того, в состав глобального рабочего класса входят не только наёмные трудящиеся заводов и шахт. Не менее важны и те, кто работают в полях, в частных домах, в офисах, гостиницах и ресторанах, в больницах, детских садах и школах, в государственном и некоммерческом секторах, прекариат, безработные и те, кто не получают зарплату за свою работу. Отнюдь не ограничиваясь белыми мужчинами, которых до сих пор слишком часто считают единственными представителями рабочего класса, большая часть мирового рабочего класса состоит из мигрантов, представителей расово дискриминируемых групп, женщин — как цис-, так и трансгендерных — и людей с различными особенностями, всех, чьи потребности и желания отрицаются или извращаются капитализмом.

Этот подход расширяет наше представление о классовой борьбе. Она не сосредотачивается исключительно на достижении экономических преимуществ, таких как справедливые контракты или минимальная зарплата. Она идёт во всех сферах жизни общества, не только в профсоюзах и официальных организациях трудящихся. Критически важен для понимания настоящего тот факт, что *борьба за новый подход к общественному воспроизводству* — за всеобщее здравоохранение и бесплатное образование, за экологическую справедливость и доступ к чистой энергии, за жильё и общественный транспорт — *тоже классовая*. Не менее важна для этого и политическая борьба против угнетения женщин, против расизма и ксенофобии, войны и колониализма.

Подобные конфликты всегда играли ключевую роль в капиталистическом обществе, основываясь на репродуктивном труде, но при этом отрицающем его ценность. Борьба, связанная с общественным воспроизводством, сегодня особенно взрывоопасна. Поскольку неолиберализм требует всё больше часов оплачиваемой работы в расчёте на одно домохозяйство и предоставляет всё меньше государственной поддержки в сфере социального обеспечения, он доводит семьи, сообщества и (прежде всего) женщин до крайности. В этих условиях всеобъемлющего грабительства протесты, связанные с общественным воспроизводством, выходят на первый план — и передний край движений, способных коренным образом изменить общество.

Тезис 6. Гендерное насилие принимает разные формы. Все они неразрывно связаны с капиталистическими общественными отношениями. Мы будем бороться со всеми

По оценкам исследователей, в глобальном масштабе по меньшей мере каждая третья женщина в той или иной форме подвергалась гендерному насилию в течение своей жизни. За колоссальные 38 процентов убийств женщин ответственны их партнёры. Насилие со стороны близкого может быть физическим, эмоциональным, сексуальным или всем перечисленным сразу, и есть в капиталистическом обществе повсюду — в каждой нации, классе и расово-этнической группе. *Оно отнюдь не случайно: институциональная структура капиталистического общества лежит в его основе.*

Гендерное насилие, с которым мы сталкиваемся сегодня, отражает противоречивую динамику семейной жизни в капиталистическом обществе. А она, в свою очередь, опирается на характерное для системы деление на воспроизводство людей и получение прибыли, семью и «труд». Важную роль в этом исторически сыграл переход от расширенных родственных семей, где мужчины-старейшины обладали властью над жизнью и смертью зависимых членов семьи, к ограниченной, гетеросексуальной нуклеарной семье капиталистического модерна. Теперь правом управления стали наделены «меньшие» мужчины, возглавившие меньшие семьи. В результате этого сдвига преобразился характер гендерного насилия, основанного на родстве. То, что когда-то было открыто политическим, теперь стало «частным»: более неформальным и «психологическим», менее «рациональным» и *контролируемым*. Гендерное насилие, зачастую заправленное алкоголем, стыдом и беспокойством за сохранение доминирования, было и есть во всех периодах капиталистического развития. И во время кризисов оно становится особенно опасным и распространённым. Но, когда экономическая нестабильность и политическая неопределённость приобретают угрожающие масштабы, и гендерный порядок начинает колебаться.

Некоторые мужчины воспринимают женщин как «неуправляемых», а современное общество с его новыми сексуальными свободами и гендерной изменчивостью — как «распущенное». Их жёны или подруги — «дерзкие», их семьи — «неупорядоченные», а дети — «дикие». Их боссы — безжалостны, их коллеги получают несправедливые привилегии, а их работа — под угрозой. Их сексуальная привлекательность и способность соблазнять — под сомнением. Чувствуя, что и их мужественность находится под угрозой, мужчины не выдерживают.

Но не всё гендерное насилие принимает такую «частную», «иррациональную» форму. Другие его типы слишком «рациональны»: можно наблюдать, что словесные оскорбления или посягательства используются для контроля. В качестве примеров можно привести широко распространённые практики изнасилования поработанных и колонизированных женщин для запугивания цветных общин и обеспечения их покорности; неоднократные изнасилования женщин сутенёрами и торговцами людьми с целью «сломать их»; и скоординированное массовое изнасилование «вражеских» женщин во время войны. Нередко сексуальные преследования и домогательства на рабочем месте, в школах или медицинских учреждениях тоже играют важную роль. В этом виновны начальники, учителя и тренеры, полицейские и надзиратели, врачи и медперсонал, домовладельцы и военнослужащие — у всех них есть институциональная власть над теми, кого они насилуют. Они могут заставить — и некоторые из них заставляют — оказывать сексуальные услуги. В этом случае причина насилия — экономическая, профессиональная, политическая и расовая уязвимость женщин: наша зависимость от зарплаты, рекомендаций, готовности работодателя или управляющего не обращать внимание на иммиграционный статус. Такому насилию способствует система иерархической власти, в которой переплетаются гендер, раса и класс. Его результат — укрепление и нормализация этой системы.

Фактически эти две формы гендерного насилия — одна частная, другая государственная — не такие уж и разные. Есть смешанные случаи, такие как подростковые, студенческие и спортивные субкультуры, в которых молодые мужчины, транслируя институционализированную мизогинию (женоненавистничество. — *Прим. ред.*), борются друг с другом за статус и права, издеваясь над женщинами. Кроме того, некоторые формы гендерного насилия в государственном и частном секторах образуют взаимоподкрепляющий порочный круг. Поскольку капитализм в подавляющем

большинстве случаев возлагает репродуктивный труд на женщин, он ограничивает нашу способность в полной мере участвовать в «производительном труде» на равных условиях, и большинство из нас заняты на бесперспективных работах и не зарабатывают достаточно для содержания своей семьи. Это вредит нашей «личной» жизни, поскольку ограничивает способность к выходу из отношений, чем лишает нас прав и возможностей внутри них. Основной бенефициар всей этой системы — несомненно, капитал. А мы в результате вдвойне подвержены насилию — во-первых, со стороны близких и членов семьи, во-вторых, со стороны силовиков и структур, действующих в интересах капитала.

Традиционные феминистские методы борьбы с гендерным насилием понятны, но, тем не менее, неэффективны. Наиболее распространенная мера реагирования — требование криминализации и наказания. Этот «тюремный феминизм», как его ещё называют, воспринимает как должное именно то, в чём следует усомниться: предположение, что законы, полиция и суды — достаточно автономная от капитализма структура власти, чтобы противодействовать вызываемому самим капитализмом гендерному насилию. Фактически система уголовного правосудия в непропорционально большой степени преследует цветных мужчин из бедных слоев населения, позволяя при этом их белым офисным профессионалам свободно насиловать и избивать; в результате женщины вынуждены ездить на огромные расстояния, чтобы навещать своих сыновей и мужей за решёткой, в одиночку содержать свои семьи и решать юридические и бюрократические проблемы освобождения из тюрем. Аналогичным образом кампании по борьбе с торговлей людьми и законы против «сексуального рабства» часто используются для депортации мигранток, в то время как наживающиеся на них и насильники остаются на свободе. Кроме того, тюремные меры не уделяют должного внимания потребностям пострадавших. Законы, криминализирующие изнасилование в браке или домогательство на рабочем месте, не помогут женщинам, которым больше некуда идти. В таких условиях ни одна феминистка, обладающая хотя бы толикой чувствительности к вопросам класса и расы, не может одобрить тюремное решение проблемы гендерного насилия.

Не менее неадекватны и «рыночные решения», предлагаемые фемократками. Со своих престижных кафедр в международных финансовых институтах эти прогрессивные неолибералки предлагают защитить своих менее удачливых южных сестёр от насилия, одолжив им небольшие суммы денег на открытие собственного дела. Доказательства того, что микрокредиты в действительности снижают уровень насилия в семье или способствуют независимости женщин от мужчин, в лучшем случае неоднозначны. Но совершенно ясно одно: *микрокредитование усиливает зависимость женщин от кредиторов*. Затягивая петлю долга на шеях бедных женщин из рабочего класса, такой подход к гендерному насилию сам по себе порождает насилие.

Феминизм для 99 процентов отвергает как тюремный, так и фемократический подходы к решению проблемы гендерного насилия. Гендерное насилие при капитализме — это не нарушение обычного порядка вещей, а системное явление. Прочно закреплённое в общественном строе, оно не может быть ни понято, ни исправлено в отрыве от других форм капиталистического насилия, включая биополитическое насилие со стороны законов, отрицающих репродуктивную свободу; экономическое насилие со стороны рынка, банка, арендодателя и кредитора; насилие со стороны полиции, судов и тюремной охраны; насилие со стороны пограничников, миграционного режима и имперских армий; символическое насилие культурного мейнстрима, колонизирующего наш разум, извращающего наши тела и заглушающего наши голоса; и экологическое насилие «замедленного» действия против наших сообществ и окружающей среды.

Эта динамика, присущая капитализму, резко усилилась в ходе текущего кризиса. Под знаменем «индивидуальной ответственности» неолиберализм сократил государственное финансирование социальных услуг. В одних случаях он коммерциализировал государственные услуги, превратив их в способы получения прибыли, в других — вновь сделал социальную поддержку ответственностью индивидуальных семей, вынудив семьи — и особенно женщин — нести всю тяжесть заботы. Результатом этого процесса стало усиление гендерного насилия.

В Соединённых Штатах Америки крах ипотечного рынка непропорционально сильно ударил по цветным женщинам, которые в наибольшей степени пострадали от выселения и с большей вероятностью были вынуждены выбирать между бездомностью и сохранением насильственных отношений. В Великобритании власти отреагировали

на финансовый обвал дополнительным сокращением государственных услуг — в первую очередь финансирования кризисных центров для переживших домашнее насилие. В странах Карибского бассейна рост цен на продовольствие и топливо совпал с сокращением государственного финансирования социальных услуг, что привело к росту гендерного насилия. Эти шаги сопровождались усилением нормализаторской, дисциплинарной пропаганды. Неоднократные наставления о том, что нужно быть «хорошей» женой или иметь больше детей, слишком быстро превращаются в оправдание насилия в отношении тех, кто не соответствует нормативным гендерным ролям и идентичностям.

Кроме того, в настоящее время антитрудовое законодательство усугубляет насилие в тех секторах экономики, которые в значительной степени зависят от работающих женщин. В зонах свободной торговли (ЗСТ), таких как 3 000 макиладор в Мексике, гендерное насилие широко используется для поддержания трудовой дисциплины. Начальники и менеджеры на заводах практикуют серийные изнасилования, словесные оскорбления и унижительные личные досмотры, чтобы повышать производительность и противодействовать самоорганизации трудящихся. Это лишь вопрос времени, когда такая практика переберётся из ЗСТ во всё общество, в том числе в дома рабочего класса.

Таким образом, в капиталистических обществах гендерное насилие — отнюдь не самостоятельное явление. Напротив, оно уходит корнями глубоко в общественный порядок, который связывает воедино подчинённость женщин с гендерной организацией труда и динамикой накопления капитала. С этой точки зрения неудивительно, что движение #MeToo началось как протест против домогательств на рабочем месте, и первое заявление о солидарности с женщинами в шоу-бизнесе исходило от калифорнийских иммигранток, работающих на фермах: они сразу увидели в Харви Вайнштейне не просто насильника, но большого *начальника*, который диктует, кому можно работать в Голливуде, а кому — нет.

Насилие во всех его формах — неотъемлемая часть повседневности капиталистического общества, поскольку только сочетание грубого принуждения и вымученного согласия обеспечивает системе устойчивость. Невозможно остановить одну форму насилия, не остановив другие. Поклявшись искоренить их все, феминистки для 99 процентов хотят объединить борьбу с гендерным насилием с борьбой против всех форм насилия в капиталистическом обществе.

Тезис 7. Капитализм пытается регулировать сексуальность. Мы хотим освободить её

На первый взгляд в сегодняшней сексуальной борьбе нет ничего сложного. С одной стороны стоят реакционеры, с другой — либералы. Реакционеры стремятся объявить вне закона сексуальные отношения, которые, как они утверждают, нарушают устоявшиеся семейные ценности или божественный закон. Будучи преисполнены решимости отстаивать эти якобы вечные принципы, они готовы бросать камни в «прелюбодеев», бичевать лесбиянок или подвергать геев «репаративной терапии». Напротив, либералы борются за законные права сексуальных диссидентов и меньшинств. Одобрив признание государством некогда табуированных отношений и презируемых идентичностей, они поддерживают «равноправие в браке» и доступ ЛГБТК+ в ряды вооружённых сил. Если первая сторона стремится возродить старые устои — патриархат, гомофобию, подавление сексуальности, то вторая выступает на стороне современности — за свободу личности, самовыражение и сексуальное многообразие. Разве выбор не очевиден?

На самом деле обе стороны — не те, кем кажутся. Сексуальный авторитаризм, с которым мы сталкиваемся сегодня, вовсе не архаичен. Запреты, представляемые как непреходящие Божественные заповеди или вековые обычаи, на самом деле «неотрадиционны»: эта ответная реакция на развитие капитализма столь же современна, как и то, против чего она направлена. И сексуальные права, обещанные либеральными оппонентами, исходят из современных капиталистических форм; они не только не способствуют реальному освобождению, но и являются нормализаторскими, государственным и консьюмеристскими.

Чтобы понять, почему это так, рассмотрим происхождение этой оппозиции. Капиталистические общества всегда пытались регулировать сексуальность, но средства и методы были разными. В первые годы системы, до того как капиталистические отношения были повсеместно установлены, власти (особенно церкви и общины) сами применяли нормы, отличавшие одобряемый секс от греховного. Позже, по мере того как капитализм начал перестраивать общество, он выработал новые буржуазные нормы и формы регулирования, включая санкционированную государством гендерную бинарность и гетеронормативность. Эти «современные» нормы гендера и сексуальности, не ограничивавшиеся ни капиталистической метрополией, ни буржуазными классами, были широко распространены, в том числе посредством колониализма и массовой культуры. Они принудительно проводились в жизнь репрессивной и административной государственной властью, в том числе с помощью провозглашения семейных отношений условием для получения государственной поддержки. Но распространение не проходило безболезненно. Напротив, эти нормы вступили в противоречие не только со старыми сексуальными установками, но и с ещё более новыми устремлениями к сексуальной свободе, которые нашли выражение, особенно в городах, в субкультурах геев и лесбиянок и авангардистских анклавах.

Позднее эта конфигурация норм претерпела некоторые изменения. После 1960-х давление буржуазных норм ослабло, в то время как освободительный поток вылился за границы субкультур, породивших его, и пошёл в массы. В результате преобладающие фракции этих двух потоков всё больше объединялись в новый проект по *нормализации некогда табуированных форм секса в благоприятном для капитала виде, поощряющем индивидуализм, приватность и потребление товаров.*

За этой новой конфигурацией кроется решающий сдвиг в природе капитализма. Становясь всё более финансиализированным, глобализированным и обезличенным, капитал больше не находится в непримиримом противостоянии с квир- и не-цисгендерными группами. Крупные корпорации тоже не настаивают на одной-единственной нормативной форме семьи или секса; многие из них теперь готовы позволить значительному числу своих сотрудников и сотрудниц жить вне гетеросексуальных семей, при условии, что те будут шагать в ногу как на работе, так и в торговом центре. В рыночном пространстве сексуальное несоответствие становится источником привлекательных рекламных образов, линеек продуктов, лайфстайл-товаров и заранее упакованных удовольствий. В капиталистическом обществе секс продаёт, и неолиберализм продаёт его множество видов.

Борьба вокруг сексуальности разворачивается сейчас в эпоху усиливающейся гендерной флюидности среди молодёжи и в условиях растущих квир- и феминистских движений.

Это время значительных побед на юридическом поприще, в том числе в отношении формального гендерного равенства, прав ЛГБТК+ и равенства в браке — всё это сейчас закреплено законом в растущем списке стран. Это и результат ожесточённых сражений, и отражение важных социальных и культурных перемен, связанных с неолиберализмом. Тем не менее по своей природе они хрупки. Новые законные права не останавливают нападения на ЛГБТК+: гендерное и сексуальное насилие, символическое непризнание и общественную дискриминацию.

Фактически финансиализированный капитализм подпитывает мощный откат в сфере сексуальности. Не только «инцелы» (люди, которые определяют себя как неспособных найти партнёра несмотря на желание это сделать, что описывается ими как «невольное воздержание». — *Прим. ред.*) убивают женщин, чтобы отомстить за «кражу» женской сексуальности у её «законных владельцев». Не «только» картонные реакционеры предлагают защитить «своих» женщин и семьи от беспощадного индивидуализма, грубого консьюмеризма и порока. Реакцию сопровождает быстрый рост правых популистских движений, которые получают массовую поддержку, обнажая некоторые *реальные* недостатки капиталистической современности. В том числе её неспособность защитить семьи и сообщества от разрушительного воздействия рынка. Но как неотрадиционные, так и правые популистские силы извращают эти оправданные претензии, подпитывая именно такую оппозицию, какую капитал вполне может себе позволить. Этот способ «защиты» возлагает вину за разрушение семей на сексуальную свободу, скрывая при этом истинный источник опасности — капитал.

Сексуальная реакция находит зеркальное отражение в сексуальном либерализме. Последний связан, даже в своём лучшем виде, с мерами, которые лишают подавляющее большинство социальных и материальных предпосылок, необходимых для реализации их новых формальных свобод. Например, государства, заявляющие о признании прав трансгендерных людей, отказываются одновременно покрывать издержки их перехода. Сексуальный либерализм также связан с режимами государственного регулирования, нормализующими и закрепляющими моногамность, согласие с которой есть плата за принятие геев и лесбиянок. Хотя сексуальный либерализм якобы ценит свободу личности, он не подвергает сомнению структурные условия, способствующие гомофобии и трансфобии, в том числе роль семьи в общественном воспроизводстве.

За пределами семьи то, что выглядит как сексуальное освобождение, тоже часто закрепляет капиталистические ценности. Новые гетеросексуальные культуры, основанные на коротких знакомствах и онлайн-свиданиях, подталкивают молодых женщин «управлять своей сексуальностью», но при этом по-прежнему ранжируют их по внешности в соответствии с мужскими представлениями. Призывая к «независимости личности», неолиберальные дискурсы оказывают давление на девочек, чтобы они доставляли удовольствие мальчикам, поощряя мужской эгоизм в его образцовой капиталистической манере.

Аналогичным образом новые формы «гей-нормативности» предполагают *капиталистическую нормативность*. Растущий средний класс геев во многих странах определяется их способом потребления и желанием респектабельности. Признание этого слоя не только сосуществует с продолжающейся маргинализацией и репрессиями в отношении бедных геев, особенно представителей цветного населения; оно также присутствует в «пинквошинге», когда власти указывают на принятие ими «правильно мыслящих и живущих» геев для легитимизации своих империалистических и неокOLONиальных проектов. Например, израильские государственные ведомства ссылаются на свою «дружественную гейм» культуру, чтобы оправдать жестокое порабощение «отсталых и гомофобных» палестинцев. Аналогичным образом отдельные европейские либералы ссылаются на свою собственную «просвещённую терпимость» к ЛГБТК+ для того, чтобы оправдать враждебное отношение к мусульманам, которых они без разбору отождествляют с реакционерами, в то же время позволяя авторитарным в вопросах секса немусульманам делать всё что угодно.

Освободительные движения оказались между Сциллой и Харибдой: одна сторона хочет вернуть женщин и ЛГБТК+ во власть религиозных или патриархальных лидеров, а другая готова отдать нас на блюдечке капиталу. Феминистки для 99 процентов отказываются играть в эту игру. Отвергая неолиберальную кооптацию и неотрадиционную гомофобию и женоненавистничество, мы хотим возродить радикальный дух Стоунволла 1969 года, «секс-позитивного» феминизма Александры

Коллонтай и Гейл Рубин, исторической кампании геев и лесбиянок в поддержку протеста шахтёров в Британии в 1984-м. Мы боремся за освобождение сексуальности не только от репродуктивных и нормативных семейных форм, но и от ограничений по признаку пола, класса и расы, от деформаций этатизма и консьюмеризма. Но мы знаем: чтобы воплотить эту мечту, необходимо построить новую, некапиталистическую форму общества, которая обеспечит материальную основу для сексуального освобождения, в том числе предоставит щедрую социальную поддержку общественного воспроизводства, которая будет доступной для гораздо большего количества семей и объединений.

Тезис 8. Капитализм возник из расистского и колониального насилия. Феминизм для 99 процентов — антирасистский и антиимпериалистический

Сегодня, как и в предыдущие периоды острого капиталистического кризиса, «раса» стала острой, взрывоопасной и яростно оспариваемой проблемой. Агрессивно настроенный этнонационалистический правый популизм, подбадриваемый претендующими на защиту обиженного большинства демагогами, громко заявляет о превосходстве белых и европейцев. Трусливые центристские правительства присоединяются к своим откровенно расистским коллегам и препятствуют въезду мигрантов и беженцев, отбирая их детей и разлучая семьи, помещая их в лагеря или оставляя тонуть в море. Полиция Бразилии, США и других стран продолжает безнаказанно убивать цветных людей, а суды — отправлять нещадно и с продлением в тюремно-промышленный комплекс.

Многие возмущены этим, и некоторые пытаются бороться. В Германии, Бразилии, Соединенных Штатах и других странах выступают против расистского насилия со стороны полиции и манифестаций белых шовинистов. Некоторые борются за придание нового значения термину «аболиционизм», требуя покончить с системой лишения свободы и упразднить иммиграционно-таможенную полицию США — правительственное ведомство, отвечающее за ограничение иммиграции. Многие антирасистские силы ограничивают своё вмешательство моральным осуждением. Другие предпочитают играть с огнём — как европейские левые партии, которые предлагают «кооптировать» правых и сами выступают против иммиграции.

В этой ситуации феминистки, как и все остальные, должны занять чью-то сторону. Но исторически сложилось так, что достижения феминизма в борьбе с расизмом были в лучшем случае неоднозначными. Влиятельные белые американские суфражистки увлекались откровенно расистскими речами после Гражданской войны, когда чёрные мужчины получили право голоса, а они — нет. В тот же период и вплоть до XX века ведущие британские феминистки защищали «цивилизованное» колониальное правление в Индии, основываясь на расовых предрассудках, якобы для того, чтобы «вывести цветных женщин из положения». Даже сегодня известные феминистки из европейских стран аналогичным образом оправдывают антимусульманскую политику.

Историческая связь феминизма с расизмом тоже принимала и «более утончённые» формы. Даже в ситуациях, когда либеральные и радикальные феминистки не ведут себя явно или намеренно расистски, они зачастую определяют «сексизм» и «гендерные вопросы» так, будто положение белых женщин среднего класса универсально. Отделяя гендер от расовой (и классовой) принадлежности, они ставят на первый план «женскую» потребность выбраться из домашнего рабства и «выйти на работу», как если бы все мы были домохозяйками из пригородов! Следуя той же логике, ведущие белые феминистки в Соединенных Штатах настаивали на том, что чёрные женщины могут быть по-настоящему феминистками только в том случае, если они отдают приоритет воображаемому сестринству, не основанному на расе и якобы свободному от расовых предрассудков над антирасистской солидарностью с чёрными мужчинами. Только благодаря десятилетиям решительного сопротивления со стороны цветных феминисток эта идея отвергается всё большим числом женщин.

Феминистки для 99 процентов однозначно признают эту позорную историю и полны решимости окончательно порвать с ней. Мы понимаем, что *в расистском, империалистическом обществе не может быть и речи об освобождении женщин.* Капитализм, гордящийся «свободным трудом» и «трудовым договором», мог появиться только из-за жестокого колониального грабежа, «коммерческой охоты на чёрных» в Африке, принудительному переселению в Новый Свет и захвату земель у коренных народов. Впрочем, с тех пор, как капитализм стал набирать обороты, расово маркированное изъятие ресурсов у несвободных и зависимых народов не только не прекращается, но и служит скрытым условием для выгодной эксплуатации «свободного труда». На протяжении всей истории капитализма различие между свободными эксплуатируемыми «рабочими» и зависимыми обворованными «другими» принимало разнообразные формы — рабство, колониализм, апартеид и международное разделение труда — а порой и размывалось. Но на каждом этапе оно примерно совпадало с глобальной расовой иерархией. Захват природных ресурсов и человеческого потенциала, за пополнение и воспроизводство которых капиталистам не нужно платить,

всегда позволял увеличивать прибыль. По системным причинам капитализм всегда создавал классы людей, которым приписывалась расовая идентичность, чьи личности и труд он обезценивал. *По-настоящему антирасистский и антиимпериалистический феминизм должен быть антикапиталистическим.*

Это утверждение верно и сейчас, когда масштабы расистского грабежа растут, как на стероидах. Современный неолиберальный капитализм, ускоряющий потерю права собственности на землю за счёт долгов, способствует расовому угнетению во всём мире. На «постколониальном» глобальном Юге корпорации отнимают земли коренных народов из-за долгов, доводя людей до самоубийств. В то же время «реструктуризация» суверенного долга резко увеличивает соотношение процентной ставки выплат по долгу к ВВП, вынуждая псевдонезависимые государства сокращать социальные расходы и принуждая будущие поколения трудящихся Юга направлять всё большую долю продуктов своего труда на погашение задолженности перед глобальными кредиторами. Таким образом, масштабы расистской экспроприации растут в тесном переплетении с объёмами эксплуатации, связанной с перемещением многих производств на глобальный Юг.

На глобальном Севере угнетение тоже распространяется быстро. Поскольку низкооплачиваемая, нестабильная работа в сфере услуг заменяет промышленный труд, охраняемый профсоюзами, уровень заработной платы опускается ниже минимально необходимого для достойной жизни уровня, особенно там, где преобладают трудящиеся, дискриминируемые по расовому признаку. Чтобы выжить, они вынуждены не только работать в нескольких местах и брать займы в счёт зарплаты; они становятся жертвами грабительских микрозаймов и высокорисковых кредитов. Снижается объём социальных гарантий, поскольку услуги, которые раньше предоставлялись государством, перекалдывают на семьи и сообщества, то есть в основном на иммигранток и женщин из меньшинств. Схожим образом налоговые поступления, которые ранее направлялись на нужды коммунальной инфраструктуры, теперь перенаправляются на обслуживание долга, что особенно пагубно сказывается на положении цветных сообществ, территориально сегрегированных и давно лишённых государственного финансирования школ и больниц, жилья и транспорта, снабжения чистой водой и воздухом. На всех уровнях и во всех регионах финансовый капитализм порождает новые волны расистского грабежа.

У влияния этой глобальной финансовой пирамиды — гендерный характер. Миллионы чёрных женщин и мигранток — сиделки и домработницы. Зачастую без документов и вдали от своих семей, они одновременно подвергаются эксплуатации, вынуждены работать на нестабильных условиях, получать самую низкую зарплату, лишаться каких-либо прав и испытывать абьюз во всех сферах жизни. Их угнетение, зародившееся в рамках глобальной системы оказания социальных услуг, создаёт хорошие условия для более привилегированных женщин, избегающих (отдельных видов) домашнего труда и занимаются высококвалифицированной профессиональной деятельностью. Как ни парадоксально, но некоторые из этих привилегированных женщин отстаивают женские права, поддерживая политические кампании за аресты чёрных мужчин как насильников, преследование мигрантов и мусульман, и ассимиляцию чёрных женщин и мусульманок с господствующей культурой!

Правда состоит в том, что расизм, империализм и этнонационализм — это основные опоры всеобщей мизогинии и контроля над телами всех женщин. Поскольку их существование вредит *всем нам*, то и всем нам нужно бороться максимально жёстко. Абстрактные заявления о глобальном сестринстве контрпродуктивны. Они порождают ложное впечатление единства, превращая сестринство не в цель борьбы, а в её исходную предпосылку. Реальность такова, что, хотя в капиталистическом обществе все мы страдаем от мизогинии, наше угнетение принимает различные формы. Связь между ними не всегда очевидна сразу, поэтому выявить её нужно политически, посредством сознательных усилий по укреплению солидарности. Только так, учитывая в нашей борьбе наше разнообразие, мы сможем достичь той совокупной силы, что необходима нам для преобразования общества.

Тезис 9. Феминизм для 99 процентов — экосоциалистический в своей борьбе против разрушения земли капиталом

Сегодняшний кризис капитализма касается и экологии. Капитализм всегда стремился увеличить свою прибыль за счёт природных ресурсов, которые он рассматривает как бесплатные и бесконечные и которые зачастую просто крадёт, не задумываясь о необходимости их восполнения, и потому периодически дестабилизирует собственные экологические условия, истощая почву и исчерпывая минеральные ресурсы или отравляя воду и воздух.

Современный экологический кризис — не первый в истории этой экономической системы производства и распределения, но, безусловно, самый масштабный и серьёзный. Изменение климата, угрожающее сейчас нашей планете, — прямое следствие того, что капитал исторически использовал ископаемые источники энергии, чтобы привести в действие промышленные предприятия. Ведь не человечество в целом, а *капитализм* добывал залежи углерода, образовавшиеся в недрах земной коры за сотни миллионов лет; и именно *капитализм* потреблял их в мгновение ока, абсолютно игнорируя проблему пополнения запасов или последствий загрязнения и парникового эффекта. Дальнейшие переключения, сначала с угля на нефть, а затем на природный газ, лишь ухудшили ситуацию, одновременно переключая «негативные экологические последствия» на бедные сообщества, зачастую цветные, как на Севере, так и на Юге.

Помимо того, что экологический кризис напрямую связан с капитализмом, он усугубляет и угнетение женщин, и бьёт по нам прежде всего: женщины составляют до 80 процентов всех климатических беженцев. На глобальном Юге большая часть сельской рабочей силы — женщины, даже несмотря на то, что они же несут ответственность за труд по общественному воспроизводству. Женщины обеспечивают свои семьи продовольствием, одеждой и жильём, и вносят непропорционально большой вклад в борьбу с засухой, загрязнением и чрезмерной эксплуатацией земель. Бедные цветные женщины на Севере тоже уязвимы. Они составляют костяк сообществ, страдающих от наводнений и отравления свинцом, и, таким образом, подвергаются экологическому расизму.

Женщины идут в авангарде борьбы с надвигающейся экологической катастрофой. Несколько десятилетий назад в Соединённых Штатах левая группа «Женщины бастуют за мир» (Women Strike for Peace) боролась против атомного оружия, оставившего в наших костях стронций-90. Сегодня женщины — в первых рядах борьбы со строительством магистрального трубопровода «Дакота» в Соединённых Штатах. В Перу женщины вдохновили Максиму Ауну на её успешное противостояние американскому горнодобывающему гиганту «Ньюмонт» (Newmont). В Северной Индии женщины гордо выступили против строительства трёх гидроэлектростанций. Во всём мире женщины ведут нескончаемую борьбу против приватизации воды и семян, и за сохранение биоразнообразия и устойчивое сельское хозяйство.

Во всех этих случаях женщины выстраивают новые интегрированные формы борьбы, которые бросают вызов тенденции мейнстримных экологов рассматривать защиту «природы» и материального благополучия человеческих сообществ как взаимоисключающие требования. Эти движения, возглавляемые женщинами, отказываются отделять экологические вопросы от вопросов общественного воспроизводства и представляют собой мощную антикорпоративную и антикапиталистическую альтернативу «зелёным капиталистическим» проектам, которые не делают ничего для прекращения глобального потепления, но обогащают тех, кто торгует разрешениями на выбросы, экосистемными услугами, зачётами выбросов углекислого газа и «экологическими деривативами». В отличие от проектов «зелёных» финансов, сводящих природу к чисто математической абстракции, борьба женщин сосредоточена на реальном мире, в котором справедливость, благосостояние сообществ и устойчивость природы неразрывно взаимосвязаны.

Освобождение женщин и спасение нашей планеты от экологической катастрофы идут рука об руку с преодолением капитализма.

Тезис 10. Капитализм несовместим с реальной демократией и миром. Наш ответ — феминистский интернационализм

Сегодняшний кризис носит политический характер. Парализованные тупиковой ситуацией и зависящие от международных финансовых институтов, государства, которые когда-то заявляли о себе как о демократических, зачастую не в состоянии разобраться с неотложными проблемами, не говоря уже о том, чтобы служить общественным интересам. Большинство из них откладывают решение финансовых проблем и вопросов изменения климата на неопределённый срок, а иногда и откровенно блокируют путь к этому. Правительства находятся во власти корпораций и в долговой зависимости и потому всё чаще воспринимаются своими гражданами как прислужники капитала, которые пляшут под дудку центральных банков, ИТ-гигантов, крупных энергетических компаний и военных спекулянтов. Удивительно ли, что в такой ситуации массы людей во всём мире разочаровываются в традиционных партиях и политиках, пропагандирующих неолиберализм, в том числе и в левоцентристских?

Политический кризис глубоко укоренён в институциональном устройстве капиталистического общества. Эта система отделяет «политическое» от «экономического», «законное насилие» со стороны государства от «молчаливого принуждения» рынка. В результате этого широкие сферы общественной жизни выводятся за рамки демократического контроля и передаются под прямое корпоративное управление. Поэтому, в силу своей структуры, капитализм лишает нас возможности коллективно решать, что именно и сколько производить, на какой энергетической основе и в рамках каких общественных отношений. Он также лишает нас способности определять, каким образом мы хотим использовать общественные излишки, которые мы производим коллективно, как взаимодействовать с природой и будущими поколениями и как организовывать труд по общественному воспроизводству и его отношения с производительным трудом. Резюмируя сказанное, капитализм фундаментально антидемократичен.

В то же время капитализм неизбежно порождает имперскую географию. Эта система позволяет могущественным государствам глобального Севера наживаться на более слабых: выкачивать из них прибыль с помощью несправедливых торговых режимов и подавлять их долгами, угрожать им военным вмешательством и лишением «помощи». Результат этого — отсутствие политической защиты у значительной части населения мира. Судя по всему, демократические устремления миллиардов людей на глобальном Юге даже не достаиваются внимания. Их можно просто игнорировать или жестоко подавлять.

Как и везде, капитал пытается заполучить всё сразу. С одной стороны, он пользуется государственной властью: применяет право для защиты частной собственности и поддерживает силы, подавляющие оппозицию, создаёт для себя инфраструктуру, необходимую для накопления, и регуляторные органы, задача которых — бороться с кризисами. С другой стороны, жажда прибыли периодически подталкивает некоторые группировки капиталистов к борьбе против государственной власти, которую они выставляют в невыгодном свете, как менее продвинутую и менее эффективную по сравнению с рынком, и пытаются ослабить. Когда такие краткосрочные интересы становятся важнее потребностей долгосрочного выживания, капитал превращается в тигра, отгрызающего собственный хвост. Это грозит разрушить те политические институты, от которых зависит его выживание.

Тенденция капитализма порождать политический кризис — даже в лучшие времена — достигла своего апогея. Современный неолиберальный режим открыто использует не только военную технику, но и долговое оружие, беззастенчиво атакуя любую государственную власть и политические силы, которые могут бросить ему вызов, — например, аннулировав выборы и референдумы, отвергающие планы по сокращению государственных социальных программ, как это было в Греции в 2015 году, и препятствуя их проведению, как это было в Бразилии в 2017–2018 годах. Ведущие капиталистические круги всего мира (промышленные акулы, занимающиеся выращиванием фруктов и торговлей ими, производством и лоббированием фармацевтических препаратов, добывающие нефть и торгующие оружием) систематически поощряют авторитаризм и репрессии, государственные перевороты и империалистические войны. Прямо опровергая заявления своих сторонников, эта

общественная система обнаруживает свою принципиальную несовместимость с демократией.

И вновь именно женщины становятся целями политического капиталистического кризиса и — главными действующими лицами в борьбе за политическое освобождение. Но для нас решение заключается не только в том, чтобы увеличить число женщин в цитадели власти. Нас долго исключали из пространства общественной дискуссии, поэтому нам приходилось изо всех сил бороться за право быть услышанными по таким вопросам, как сексуальное насилие и домогательства, которые обычно считались «личным делом». Но, как это ни парадоксально, наши заявления часто игнорируются «прогрессивными» элитами, которые навязывают удобные для капитала трактовки: предлагают нам отождествлять себя с женщинами-политиками и голосовать за них, какими бы неприятными ни были эти женщины, и призывают нас радоваться их приходу к власти — как будто это ещё один шаг к нашему освобождению. Но нет ничего феминистского в женщинах правящего класса и их грязных делах: они бомбят другие страны, поддерживают режимы апартеида, содействуют неоколониальным интервенциям во имя гуманизма, молчат о геноцидах, совершённых их собственными правительствами, грабят беззащитное население посредством структурной перестройки, навязывания долгов и принуждения к жёсткой экономии.

Именно женщины первыми страдают от колониальных оккупаций и войн. Женщины сталкиваются с систематическими преследованиями, политическими изнасилованиями и рабством, терпят убийства и увечья своих близких и разрушение инфраструктуры, позволявшей им обеспечивать себя и свои семьи. Мы солидарны с *этими* женщинами, а не с разжигательницами войны, требующими гендерной и сексуальной свободы, но только для своих. Мы говорим как мужчинам, так и женщинам государственного и финансового аппаратов, пытающимся оправдать свой милитаризм тем, что они освобождают цветных и чёрных женщин: вы делаете это *не от нашего имени*.

Тезис 11. Феминизм для 99 процентов призывает все радикальные движения объединиться в общее антикапиталистическое сопротивление

Феминистки для 99 процентов действуют не в изоляции от других протестных движений. Мы не отделяем себя от борьбы с изменением климата или эксплуатацией на рабочем месте; мы не остаёмся в стороне от борьбы с институциональным расизмом и лишением права собственности. Эта борьба — наша борьба, неотъемлемая часть борьбы за ликвидацию капитализма, без которой не может быть конца гендерному и сексуальному угнетению. Вывод очевиден: феминизм 99% должен объединить силы с другими антикапиталистическими движениями по всему миру — с движениями защитников окружающей среды, борцов с расизмом, империализмом, активистами ЛГБТК+, а также профсоюзами. *Мы должны объединиться прежде всего с левыми, антикапиталистическими течениями тех движений, которые тоже выступают на стороне 99 процентов.*

Этот путь уводит нас прочь от двух основных политических альтернатив капитала. Мы отвергаем не только реакционный популизм, но и прогрессивный неолиберализм. В сущности именно путём раскола этих двух альянсов мы и намерены строить наше движение. Что касается прогрессивного неолиберализма, мы стремимся отделить массу женщин из рабочего класса, иммигранток и цветных женщин от переосмысливших интересы женщин в терминах капитала проникших во власть либеральных феминисток, меритократических антирасисток и антигомофобок, а также «подсадных уток», поддерживающих корпоративное разнообразие и зелёный капитализм. Что касается реакционного популизма, то мы стремимся отделить рабочий класс от сил, пропагандирующих милитаризм, ксенофобию и этнонационализм, ложно выдающих себя за защитников «простого человека» и в тоже время хитроумно пропагандирующих плутократию. Наша стратегия состоит в том, чтобы привлечь фракции рабочего класса этих прокапиталистических политических блоков. Таким образом, мы стремимся создать антикапиталистическую силу, достаточно большую и мощную для преобразования общества.

Борьба — это и возможность, и школа. Борьба может изменить тех, кто в ней участвует, бросить вызов нашему представлению о себе. Борьба может углубить наше понимание своего угнетения — что его вызывает, кто извлекает из него выгоду и как его преодолеть. Кроме того, она может побудить нас по-новому проинтерпретировать наши интересы, переосмыслить наши надежды и расширить наше представление о возможном. Наконец, опыт борьбы может побудить нас пересмотреть своё мнение о том, кто наш друг, а кто — враг. Этот опыт может расширить круг солидарности угнетённых и усилить наш антагонизм по отношению к угнетателям.

Ключевое слово здесь — «может». Всё зависит от нашей способности выработать такую оптику, которая одновременно не позволит нам просто радоваться нашим различиям и не устранил их безжалостно. Вопреки модным идеологиям «множественности», различные виды угнетения, которым мы подвергаемся, не образуют условное и неоформленное обилие. Хотя у всех них есть свои отличительные формы и характеристики, все они основаны на одной и той же социальной системе и подкрепляются ею. Только называя эту систему *капитализмом* и объединяясь для борьбы с нею, мы сможем наилучшим образом преодолеть размежевания, которые проводит меж нами капитал, — культурные, расовые, этнические, телесные, сексуальные и гендерные.

Но нам следует верно понимать капитализм. Вопреки узкому старомодному пониманию, наёмные рабочие в промышленности не составляют всей совокупности рабочего класса, и их эксплуатация — отнюдь не апогей капиталистического угнетения. Настаивать на их приоритете — это не укрепление, а скорее ослабление классовой солидарности. На самом деле классовая солидарность лучше всего развивается посредством взаимного признания существующих между нами различий — наших позиций в системе власти, нашего опыта и страданий; наших конкретных потребностей, желаний и требований; и посредством обсуждения различных организационных форм, с помощью которых мы можем реализовать свои требования. Таким образом, феминизм для 99 процентов стремится преодолеть привычное, устаревшее противостояние между «политикой идентичности» и «классовой политикой».

Отказываясь от концепции «кто кого», которую нам предлагает капитализм,

феминизм для 99 процентов стремится объединить существующие и будущие движения в широкомасштабное глобальное сопротивление. Вооружённые феминистским, антирасистским и антикапиталистическим видением, мы обязуемся сами формировать своё будущее.

Начиная с середины

Написать феминистский манифест — труднейшая задача. Те, кто попробует сделать это сегодня, стоят на плечах — и в тени — Маркса и Энгельса. *Манифест коммунистической партии* 1848 года начинался с запоминающейся строчки: «Призрак бродит по Европе». «Призраком», конечно же, был коммунизм, революционный проект, который они изображали как кульминацию борьбы рабочего класса: его объединение, интернационализацию и превращение в мировую историческую силу, которая в конечном итоге упразднит капитализм, а вместе с ним — эксплуатацию, господство и отчуждение.

Мы считаем этот текст крайне вдохновляющим, не в последнюю очередь потому, что он справедливо определяет капитализм как основной источник угнетения в современном обществе. Но это усложнило нашу задачу, не только в силу того, что *Манифест коммунистической партии* — это литературный шедевр, а значит, ему сложно подражать, но и потому, что 2018 год — это не 1848 год. Это правда, что мы тоже живём в период огромных социальных и политических потрясений, и мы тоже понимаем их как кризис капитализма. Но современный мир более глобализован, чем мир Маркса и Энгельса, и происходящие в нём потрясения отнюдь не ограничиваются Европой. Мы также сталкиваемся не только с классовыми, но и с межнациональными, расовыми/этническими и религиозными конфликтами. Наш мир дополнительно включает в себя политизированные линии разлома, неизвестные им: сексуальность, ограниченные возможности и экологию; а гендерная борьба настолько масштабна и интенсивна, что Маркс и Энгельс вряд ли могли вообще себе такое представить. Мы наблюдаем более раздробленный и неоднородный политический ландшафт, и нам непросто представить себе общемировую объединённую революционную силу.

Кроме того, так как мы живём позже, чем Маркс и Энгельс, мы знаем об ошибках освободительных движений. Наша историческая память охватывает перерождение большевистской революции в абсолютистское сталинское государство, капитуляцию европейской социал-демократии перед национализмом и войной и активацию авторитарных режимов, сформировавшихся в результате антиколониальной борьбы на глобальном Юге. Особенно важна для нас печальная судьба освободительных движений нашего времени, которые стали союзниками и алиби для сил, породивших неолиберализм. Этот опыт был болезненным для левых феминисток, поскольку мы стали свидетельницами того, как доминирующие либеральные течения сводят нашу идею к меритократическому продвижению немногих.

В эпоху Маркса и Энгельса капитализм был ещё относительно молод, мы же сталкиваемся с коварной, стареющей системой, гораздо более искусной в кооптации и принуждении. Нынешний политический ландшафт изобилует ловушками. Как мы объяснили в нашем *Манифесте*, самая опасная ловушка для феминисток — это мысль о том, что у нас есть только две политические альтернативы: с одной стороны — «прогрессивный» вариант неолиберализма, который пропагандирует элитарный, корпоративный вариант феминизма, призванный укутать хищническую, олигархическую повестку флёр свободы; с другой — реакционный вариант неолиберализма, преследующий аналогичные, плутократические цели другими средствами, с использованием мизогинной и расистской риторики. Конечно, эти две силы не идентичны. Впрочем, и та, и другая — смертельные враги по-настоящему освободительного феминизма, феминизма большинства. Кроме того, они взаимно дополняют друг друга: прогрессивный неолиберализм создал условия для роста реакционного популизма и позиционирует себя как единственную реальную альтернативу ему.

Наш *Манифест* олицетворяет отказ от выбора сторон в этой битве. Мы отрунули меню, которое ограничивает наш выбор двумя стратегиями управления кризисом капитализма, и написали своё. Стремясь не просто контролировать, а в итоге и ликвидировать кризис, мы постарались выявить и продемонстрировать практические возможности освобождения, скрытые за современными порядками. Преисполнившись решимости разорвать уютный союз либерального феминизма с финансовым капиталом, мы предлагаем другую версию феминизма, *феминизм для 99 процентов*.

Идея написать *Манифест* пришла к нам, когда мы вместе готовили женскую забастовку 2017 года в Соединённых Штатах. До этого каждая из нас писала о взаимосвязи между

капитализмом и гендерным угнетением. Чинция Арруцца разбирала сложные отношения между феминизмом и социализмом, как исторически, так и теоретически. Тити Бхаттачарья теоретически связывала понятие общественного воспроизводства с идеями класса и классовой борьбы. Нэнси Фрэйзер разрабатывала расширенные концепции капитализма и капиталистического кризиса, один из аспектов которого — кризис общественного воспроизводства.

Мы расставляем акценты по-разному, но мы объединили усилия, чтобы написать этот *Манифест*, потому что одинаково понимаем свой исторический момент. Мы считаем именно настоящее время переломным в истории феминизма и капитализма, требующим и делающим возможным вмешательство. В этом контексте наше решение написать феминистский манифест преследовало политическую цель: мы попытались организовать спасательную операцию и скорректировать курс, чтобы переориентировать феминистскую борьбу в условиях политической неопределённости.

Переосмысление капитализма и его кризиса

Разговор в нашем *Манифесте* идёт в первую очередь о *кризисе*. Но мы не намерены использовать это слово в широком и общепринятом смысле, чтобы подчеркнуть, что сейчас всё плохо. Бедствия и страдания сейчас ужасающи, но мы используем термин «кризис», потому что многочисленные беды, с которыми мы сталкиваемся сегодня, взаимозависимы и неслучайны. Они проистекают из социальной системы, которая порождает их естественным образом в силу своей структурной динамики.

Наш *Манифест* называет эту социальную систему *капитализмом* и характеризует сегодняшний кризис как кризис *капитализма*. Но мы вкладываем в эти термины особый смысл. Как феминистки, мы понимаем, что капитализм — это не просто экономическая система, а ещё и институционализированный социальный порядок, который включает в себя «неэкономические» на первый взгляд отношения и практики, поддерживающие официальную экономику. За официальными институтами капитализма — наёмным трудом, производством, обменом и финансами — скрывается необходимая для них поддержка и благоприятные условия воспроизводства: природа, семьи, сообщества, государства, политические организации и гражданское общество; и не в последнюю очередь огромный по объёму и различный по форме неоплачиваемый труд, в том числе работа по воспроизводству рабочей силы, по-прежнему выполняемая преимущественно женщинами и зачастую безвозмездно. Это тоже элементы капиталистического общества — и точки напряжения внутри него.

Из такого расширенного понимания капитализма следует широкий взгляд на капиталистический кризис, изложенный в нашем *Манифесте*. Не отрицая присущей капитализму тенденции порождать периодические крахи рынка, цепочки банкротств и массовую безработицу, мы признаём, что капитализм несёт в себе и другие, «неэкономические» противоречия и кризисные тенденции. В нём содержится, например, экологическое противоречие: тенденция сводить природу к «крану» для раздачи энергии и сырья, с одной стороны, и к «сливу» для поглощения отходов, с другой — и присваивать обе функции природы свободно и не восполняя. В результате капиталистические общества структурно склонны дестабилизировать окружающую среду, которая обеспечивает существование социальных групп, и разрушать экосистемы, которые поддерживают жизнь.

В капитализме есть и *политическое противоречие*: внутренняя тенденция к ограничению сферы политики, к передаче фундаментальных вопросов жизни и смерти в ведение «рынков» и к превращению государственных институтов, призванных служить обществу, в служителей капитала. Поэтому по системным причинам капитализм склонен подрывать демократические устремления, урезать права и разрушать общественные институты, порождать жестокие репрессии, бесконечные войны и кризисы в сфере управления.

Наконец, капиталистическое общество несёт в себе противоречие в отношении воспроизводства: стремление заполучить как можно больше «свободного» репродуктивного труда, не заботясь при этом о его пополнении. В результате система периодически провоцирует «кризисы заботы», истощающие женщин, разрушающие семьи и напрягающие силы до предела.

Иными словами, капиталистический кризис, согласно нашему *Манифесту*, — это не только экономический, но и экологический, политический и социально-репродуктивный кризис. Более того, корень кризиса во всех случаях один и тот же: стремление капитала выжить за счёт необходимых ему исходных условий, за воспроизводство которых он не намерен платить. В число этих условий входит способность атмосферы поглощать углеродные выбросы; способность государства защищать собственность, подавлять восстания и защищать деньги; и, что очень важно для нас, неоплачиваемый труд по формированию и поддержанию человеческих существ. Без этого капитал не сможет эксплуатировать «рабочих» и не сможет преуспеть в накоплении прибыли. Но, хотя он не может обойтись без этих фоновых условий, его логика разрушает их. Если капитал будет вынужден полностью оплачивать затраты на восстановление природы, государственную власть и общественное воспроизводство, прибыль капитала упадёт до нуля. Лучше уж сожрать заживо собственные резервы, чем ставить под угрозу процесс накопления!

Поэтому одна из исходных предпосылок нашего *Манифеста* такова: капитализм несёт в себе множество противоречий, выходящих за рамки проблем, связанных с экономикой. В «нормальные» времена кризисные тенденции в системе остаются более или менее подспудными, затрагивая «только» те группы населения, которые считаются бесполезными и бесправными. Но сейчас необычное время. Сегодня *все* противоречия капитализма достигли точки кипения. Практически никто, за исключением одного процента, не в состоянии избежать последствий политической дестабилизации, экономической неопределённости и истощения потенциала в социальной и репродуктивной сфере. А изменение климата, конечно же, угрожает уничтожить всю жизнь на планете.

Растёт и понимание того, что эти катастрофические события настолько тесно переплетаются друг с другом, что ни одно из них невозможно устранить отдельно от других.

Что такое общественное воспроизводство?

В нашем *Манифесте* рассматриваются все аспекты нынешнего кризиса. Но мы проявляем особый интерес к социально-репродуктивному аспекту, который структурно связан с гендерной асимметрией. Итак, давайте зададимся более глубоким вопросом: что вообще такое общественное воспроизводство?

Рассмотрим дело Луо. Тайваньская мать, известная только по фамилии, в 2017 году подала иск против своего сына, требуя компенсации за время и деньги, вложенные ею в его воспитание. Луо вырастила двоих сыновей в одиночку, и они оба получили образование в стоматологическом колледже. В свою очередь, она ожидала, что они позаботятся о ней в старости. Когда один из сыновей не оправдал её ожиданий, она подала на него в суд. Верховный суд Тайваня вынес беспрецедентное решение, предписывающее сыну выплатить матери 967 000 долларов США за своё «воспитание».

Пример Луо иллюстрирует три фундаментальные особенности жизни при капитализме. Во-первых, в нём раскрывается культурная универсалия, которую капитализм предпочитает игнорировать: что на рождение, уход и содержание человека тратится много времени и ресурсов. Во-вторых, им подчёркивается, что значительная часть работы по созданию и/или обеспечению жизнедеятельности людей в нашем обществе по-прежнему выполняется женщинами. Наконец, он свидетельствует, что в обычной жизни капиталистическое общество не ценит подобную работу, даже если и зависит от неё.

Дело Луо также подталкивает нас к рассмотрению четвёртого, занимающего центральное место в нашем *Манифесте*, положения: капиталистическое общество построено на двух неразрывно связанных, но взаимно противоположных императивах — необходимости системы поддерживать себя посредством процесса получения прибыли и необходимости людей поддерживать себя с помощью процессов, которые мы называем *человекопроизводством*. «Общественное воспроизводство» относится ко второму императиву. Оно подразумевает обеспечение жизнедеятельности людей как *социальных существ*, которые должны не только питаться и спать, но и воспитывать своих детей, заботиться о своих семьях и поддерживать свои сообщества, в то же время претворяя в жизнь свои надежды.

Эта деятельность, связанная с производством людей, осуществляется в той или иной форме в каждом обществе. Но в *капиталистических* обществах она служит ещё одному хозяину — капиталу, который требует, чтобы социально-репродуктивный труд производил и восполнял «трудовые резервы». Стремясь обеспечить достаточные объёмы этого «специфического товара» с минимальными издержками для себя, капитал переключает труд по общественному воспроизводству на женщин, местные сообщества и государства, и при этом преобразует его в наиболее подходящие формы для максимального извлечения прибыли. Различные ветви феминизма, включая марксистский феминизм, социалистический феминизм и теорию общественного воспроизводства, анализируют противоречия между тенденциями получения прибыли и воспроизводства человека в капиталистических обществах, выявляя стремление капитала к инструментализации второй из них для нужд первой.

Читатели «*Капитала*» Маркса знают об эксплуатации: несправедливости, с которой капитал обходится с наёмными работниками в процессе производства. Предполагается, что трудящиеся должны получать достаточно денег для своих расходов на жизнь, тогда как на самом деле они производят больше, чем получают. Иными словами, наши начальники требуют, чтобы мы работали больше, чем необходимо для себя, своих семей и инфраструктуры нашего общества. Владельцы и акционеры присваивают излишки, которые мы производим, в форме прибыли.

Теоретики общественного воспроизводства не столько отвергают это объяснение, сколько отмечают его неполноту. Как и марксистские и социалистические феминистки, мы ставим ряд неприятных вопросов: что должна сделать работница *перед* работой? Кто готовит ей ужин, заправляет постель и успокаивает её, чтобы она могла возвращаться к своей изнурительной работе день за днём? Кто-то другой делает всю эту работу — или же она сама, причём не только за себя, но и за других членов своей семьи?

Эти вопросы раскрывают истину, которую капитализм пытается скрыть: оплачиваемая работа по извлечению прибыли не могла бы существовать без (в основном)

неоплачиваемого труда по воспроизводству людей. Таким образом, капиталистический институт наёмного труда скрывает нечто большее, чем добавленная стоимость. Он скрывает свои родимые пятна — работу по общественному воспроизводству, являющуюся его необходимым условием. Социальные процессы и институты, необходимые для обоих видов «производства» — производства людей и получения прибыли — хотя и отличаются друг от друга с аналитической точки зрения, тем не менее друг друга подкрепляют.

Более того, различие между ними само по себе искусственно создано капиталистическим обществом. Как мы уже говорили, работа по воспроизводству людей существовала всегда, и она всегда ассоциировалась с женщинами. Но в более ранних обществах не было чёткого разделения между «экономическим производством» и социальным воспроизводством. Только с приходом капитализма эти два аспекта разделили. Производство переместилось на фабрики, шахты и офисы, где оно считалось «экономическим» и получало денежное вознаграждение. Работа по воспроизводству попала в сферу «семьи», где была феминизирована и сентиментализирована, определена как «забота», а не «работа», выполняемая ради «любви», а не ради денег. По крайней мере, нам так внушили. В действительности капиталистические общества никогда не относили общественное воспроизводство исключительно к ведению частных домохозяйств и всегда размещали его отчасти в жилых кварталах, местных сообществах, общественных учреждениях и гражданском обществе; и капиталистические общества давно определяют *часть* репродуктивного труда как товар, хотя и не всегда такую большую, как в наши дни.

Тем не менее различие между извлечением прибыли и производством людей указывает на глубинную напряжённость в самом сердце капиталистического общества. Капитал планомерно стремится к увеличению прибыли, трудящиеся, наоборот, желают вести достойную и наполненную смыслом жизнь как социальные существа. Это принципиально несовместимые цели, ибо доля капитала в накоплении может увеличиваться только за счёт сокращения нашей доли в жизни общества. Социальные практики, которые питают нашу жизнь дома, и система социального обеспечения, которая заботится о нашей жизни за его пределами, постоянно угрожают сократить прибыль для капитала. Таким образом, финансовые усилия по сокращению этих издержек и идеологические усилия по подрыву этой деятельности — неотъемлемые свойства всей системы.

Если бы история капитализма сводилась к полному подчинению производства людей целям извлечения прибыли, то система могла бы на законных основаниях объявить о своей победе. Но история капитализма формируется и борьбой за достойную и осмысленную жизнь. Неслучайно борьбу за заработную плату часто называют борьбой за «хлеб с маслом». Но было бы ошибкой ограничивать борьбу исключительно удовлетворением потребностей на рабочем месте, как это часто делают традиционные профсоюзные движения. Профсоюзы упускают из виду беспокойную, неустойчивую связь между заработной платой и жизнью в системе, в которой капитал заставляет работать, чтобы жить. Работающие люди борются не за зарплату саму по себе; скорее они борются за *возможность* жить и есть хлеб с маслом. Стремление прокормить себя и свои семьи — это определяющий фактор, а не следствие. Таким образом, борьба за продовольствие, жильё, воду, здравоохранение и образование не всегда выражается через косвенные формы борьбы за повышение зарплаты на рабочем месте. Вспомните, к примеру, что две величайшие революции современной эпохи, французская и русская, начались с хлебных бунтов, возглавленных женщинами.

Истинная задача борьбы за новый подход к общественному воспроизводству — установить приоритет производства людей над получением прибыли. Дело не только в хлебе. По этой причине феминизм 99 процентов воплощает и поощряет *борьбу за хлеб и розы*.

Кризис общественного воспроизводства

В нашем *Манифесте* анализируется гипотеза, что общественное воспроизводство — зона серьёзного кризиса. Основная причина этого, по нашему мнению, заключается в том, что отношение капитализма к общественному воспроизводству противоречиво. С одной стороны, система не может функционировать без такой деятельности; с другой — она не признает значимости последней и не придаёт ей практически никакой экономической ценности. Это означает, что имеющиеся возможности для общественного воспроизводства воспринимаются как должное, рассматриваются как бесплатные и бесконечно доступные «дары», не требующие внимания и пополнения. Когда вопрос воспроизводства рабочей силы вообще обсуждается, то обычно предполагается, что у трудящихся всегда будет достаточно энергии для производства новых работников и поддержания социальных связей, от которых зависит экономическое производство и общество в целом. На самом деле социально-репродуктивные возможности не безграничны, и они могут быть исчерпаны.

Когда общество одновременно отказывается от государственной поддержки своего воспроизводства и вынуждает главных исполнительниц этой роли заниматься длительной и изнурительной низкооплачиваемой работой, оно истощает те самые социальные возможности, на которые опирается. Именно такова наша ситуация. Неолиберальная форма капитализма систематически истощает наши коллективные и индивидуальные возможности воспроизводства человека и поддержания социальных связей. На первый взгляд, этот режим разрушает сложившееся в капитализме структурное гендерное разделение между производительным и репродуктивным трудом. Провозглашая новый идеал «семьи с двумя кормильцами», неолиберализм массово привлекает женщин к наёмному труду по всему миру. Но этот идеал — обман; режим труда, который он призван узаконить, для женщин — что угодно, но не свобода. То, что преподносится как эмансипация, на самом деле — усиленная эксплуатация и захват ресурсов. И двигатель острого кризиса в сфере общественного воспроизводства.

Разумеется, узкий круг женщин получает определённые выгоды от неолиберализма, осваивая престижные профессии и занимая нижние ступени корпоративного управления, но не на тех выгодных условиях, что доступны мужчинам их же класса. Однако подавляющее большинство женщин получают совсем иное: низкооплачиваемую нестабильную работу в потогонных цехах, зонах экспортного производства, строительной отрасли мегаполисов, на сельскохозяйственных предприятиях и в сфере услуг. Бедные, расово угнетённые женщины и иммигрантки готовят фастфуд и продают дешёвые товары в крупных магазинах; убирают в офисах, гостиницах и частных домах, выносят судна за пациентами больниц и домов престарелых и ухаживают за семьями более привилегированных слоёв — часто за счёт и вдали от собственных семей.

Часть этой работы превращает в товар труд по воспроизводству, который раньше выполняли бесплатно. Но если в результате такой товаризации размывается историческое разделение капитализма на производство и воспроизводство, то не менее очевидно, что это *не* приводит к эмансипации женщин. Напротив, почти все мы по-прежнему вынуждены работать «во вторую смену», даже несмотря на то, что всё большая часть нашего времени и сил достаётся капиталу. И, конечно же, основная часть женской оплачиваемой работы, безусловно, *не приносит* освобождения. Она нестабильна и низкооплачиваема, не обеспечивает доступа ни к трудовым правам, ни к социальным гарантиям, не даёт возможностей для самостоятельности, самореализации, обретения и применения навыков. Что эта работа нам *приносит* — так это, напротив, уязвимость для оскорблений и домогательств.

Не менее важно и то, что нашей зарплаты при этом режиме зачастую не хватает на воспроизводство самих себя в обществе, не говоря уже о наших семьях. Зарплата родственника, конечно, помогает, но всё же и этого редко бывает достаточно. В результате многие из нас вынуждены работать на нескольких халтурах, преодолевая большие расстояния между ними на дорогом, изношенном и небезопасном транспорте. По сравнению с послевоенным периодом на оплачиваемую работу в одном домохозяйстве стало уходить намного больше времени, и, следовательно, намного меньше — на восстановление сил, заботу о семье, общение с друзьями и поддержание наших домов и сообществ.

Неолиберальный капитализм — отнюдь не воплощение феминистской утопии, и на

самом деле способствует эксплуатации. Не только мужчинам, но и женщинам теперь приходится продавать свою рабочую силу по частям и дёшево, чтобы выжить. И это ещё не всё: сегодняшняя эксплуатация накладывается на экспроприацию наших ресурсов. Отказываясь оплачивать расходы на воспроизводство собственной (всё более феминизирующейся) рабочей силы, капитал больше не ограничивается присвоением «только» прибавочной стоимости, которую его работники создают сверх того, что им необходимо для существования. Вдобавок к этому теперь он глубоко внедряется в тела, умы и семьи тех, кого он эксплуатирует, извлекая из них не только энергию, затраченную на производство прибавочной стоимости, но и энергию, необходимую для восполнения жизненных ресурсов. Использование общественного воспроизводства как дополнительного источника прибыли разрушает основу общества.

Посягательство капитала на общественное воспроизводство происходит и за счёт сокращения государственных социальных услуг. На предыдущем социал-демократическом (или контролируемом государством) этапе капиталистического развития трудящиеся в богатых странах получили уступки от капитала в виде государственной поддержки общественного воспроизводства: пенсии, страхование от безработицы, детские пособия, бесплатное государственное образование и медицинское страхование. Но золотой век не наступил; успехи, достигнутые работниками из числа этнического большинства в условиях капитализма, основывались на представлении о зависимом положении женщин посредством семейных надбавок, исключении из социального обеспечения по расовым, этническим и гетеронормативным мотивам и продолжающейся империалистической экспроприации в странах «третьего мира». Тем не менее эти уступки частично защитили некоторых от присущей капиталу тенденции пожирать общественное воспроизводство.

Неолиберальный, финансовый капитализм — совсем другой. Он не только не даёт государствам полномочия стабилизировать воспроизводство населения с помощью государственного финансирования, но и позволяет финансовому капиталу регулировать деятельность государств и государственных органов в непосредственных интересах частных инвесторов. Его лучшее оружие — долг. Финансовый капитал живёт за счёт *государственного долга*, который он использует для запрета даже самых мягких форм социал-демократического строя, заставляя государства либерализовывать свою экономику, открывать свои рынки и вводить «меры жёсткой экономии» для незащищённого населения. Одновременно с этим растёт *потребительская задолженность* — от невыгодных ипотечных кредитов до кредитных карт и кредитов на обучение, от краткосрочных займов до микрокредитов, — которую капитал использует для сохранения дисциплины рабочих, удержания их в подчинении на земле и на производстве и для того, чтобы они продолжали тратить на генетически модифицированные семена и дешёвые товары народного потребления намного больше, чем получают. Таким образом, режим обостряет присущее капитализму противоречие между насущной необходимостью накопления и потребностями общественного воспроизводства. В то же время, требуя увеличения продолжительности рабочего дня и сокращения социальных услуг, он перекладывает обязанности по заботе на семьи и сообщества, одновременно ограничивая их возможность выполнять эти функции.

В результате этого женщины, в частности, борются за то, чтобы сбросить с себя обязанности по общественному воспроизводству и посвятить жизнь, как это требуется, в первую очередь увеличению прибыли для капиталистов. Обычно это означает, что обязанности по уходу перекладываются на менее привилегированных людей. Появляются «глобальные цепочки заботы», поскольку те, кто располагают средствами, нанимают более бедных женщин, часто мигранток и/или представительниц расово дискриминируемых групп, для уборки своих домов или ухода за детьми и пожилыми родителями, в то время как сами занимаются более прибыльной работой. Разумеется, это вынуждает тех, кто выполняет низкооплачиваемую работу по дому, с трудом справляться со своими собственными семейными и бытовыми обязанностями. Зачастую они перепоручают их другим, ещё более бедным, женщинам, которым приходится делать то же самое, нередко вдали от собственного дома, — и так далее.

Этот сценарий соответствует гендерным стратегиям постколониальных стран-должниц, подвергшихся «структурной перестройке». Такие государства отчаянно нуждаются в твёрдой валюте, и потому одни из них активно поощряют трудовую эмиграцию женщин для оплачиваемой работы по уходу ради денежных переводов, а другие привлекают прямые иностранные инвестиции путём создания зон экспортной переработки, часто

в таких отраслях, как текстильная промышленность и сборка электроники, отдающих предпочтение низкооплачиваемым работницам, которые вынуждены работать в условиях повсеместного сексуального насилия и эксплуатации. В обоих случаях потенциал общественного воспроизводства ещё больше сокращается. Совокупность этих факторов отнюдь не восполняет нехватку заботы и только перемещает эту проблему: от более богатых к более бедным семьям, от глобального Севера к глобальному Югу. В итоге складывается новая, *двойственная* организация общественного воспроизводства, ставшего товаром для тех, кто может за него платить, и ставшего частным делом семьи для тех, кто оплатить его не может, поскольку некоторые из этой второй категории обеспечивают уход за теми, кто находится в первой, за низкую зарплату.

Всё это усугубляется так называемым «кризисом заботы». Этот термин может легко ввести в заблуждение, поскольку, как мы утверждаем в нашем *Манифесте*, этот кризис носит *структурный* характер и служит неотъемлемой частью более широкого всеобщего кризиса современного капитализма. Учитывая серьёзность последнего, неудивительно, что борьба за общественное воспроизводство в последние годы резко активизировалась. Феминистки Севера часто описывают свою цель как достижение «баланса между семьёй и работой». Но борьба за общественное воспроизводство включает в себя гораздо больше — например, низовую борьбу на местном уровне за жильё, здравоохранение, продовольственную безопасность и безусловный базовый доход; борьбу за права мигрантов и мигранток, домработниц и госслужащих; кампании по созданию профсоюзов трудящихся социальных служб в частных домах престарелых, больницах и детских учреждениях; и борьбу за социальные услуги, такие как уход за детьми в детских садах и за пожилыми, за сокращение рабочей недели и достаточную оплату отпуска по уходу за детьми. В совокупности эти требования равносильны требованию кардинальной реорганизации отношений между производством и воспроизводством — созданию таких общественных условий, при которых жизни людей и социальные связи ставятся выше производства ради прибыли; созданию мира, в котором люди любого гендера, национальности, сексуальности и цвета кожи сочетают деятельность по общественному воспроизводству с безопасной, хорошо оплачиваемой работой без каких-либо домогательств и притеснений.

Политика феминизма для 99 процентов

Отсюда вытекает основополагающий тезис нашего *Манифеста*: феминизм должен ответить на вызов сегодняшнего кризиса. Как мы уже говорили, это кризис, который, в лучшем случае, может быть вытеснен капитализмом, но не решён. Истинное решение требует принципиально новой формы общественной организации.

Конечно, наш *Манифест* не рисует конкретной альтернативы: она появится в ходе борьбы. Но кое-что уже ясно. Мы, в отличие от либеральных феминисток, считаем, что сексизм нельзя победить, создав равные возможности для угнетения — или, в отличие от обычных либералов, — реформой. Аналогичным образом, при всём уважении к традиционному пониманию социализма, мы считаем, что внимание исключительно к эксплуатации наёмного труда не приведёт к эмансипации ни женщин, ни трудящихся вообще. Необходимо обращать внимание на инструментализацию капиталом неоплачиваемого репродуктивного труда, с которым всегда связана эксплуатация. Что реально нужно, так это преодолеть устойчивую связь между производством и воспроизводством, сочетанием получения прибыли с производством людей и подчинение второго первому. А это означает упразднить более крупную систему, которая порождает их симбиоз.

В нашем *Манифесте* мы считаем либеральный феминизм одним из главных препятствий на пути этого эмансипационного проекта. Либеральный феминизм стал преобладать, пережив, а по сути, и повернув вспять феминистский радикализм предыдущего периода, возникший в 1970-х годах на гребне мощной волны антиколониальной борьбы против войны, расизма и капитализма. Разделяя революционный этос, радикальный феминизм ставил под сомнение всю структурную основу существующего порядка. Но когда радикализм той эпохи успокоился, возник гегемонный феминизм, лишённый утопических революционных устремлений, — феминизм, который отражал либеральную политическую культуру и соответствовал ей.

Либеральный феминизм — это, безусловно, не единственная современная форма феминизма. По-прежнему существуют воинствующие антирасистские и антикапиталистические феминистские группы. Чёрные феминистки провели глубокий анализ взаимосвязи классовой эксплуатации, расизма и гендерного угнетения, а новые материалистические квир-теории выявили важные связи между капитализмом и репрессивным овеществлением сексуальной идентичности. Активистские коллективы продолжают повседневную работу на низовом уровне, и марксистский феминизм сейчас переживает возрождение.

Тем не менее, рост неолиберализма изменил общий контекст, в котором вынуждены действовать радикальные движения, ослабив все прорабочие классовые движения и в то же время способствуя распространению дружественных корпорациям альтернатив — в том числе либерального феминизма.

Но сегодня либеральная феминистская гегемония начала рушиться, и из-под её обломков возникает новая волна феминистского радикализма. Как мы отметили в нашем *Манифесте*, ключевое новшество современного движения — использование и переосмысление идеи забастовки. Организуя забастовку, феминистки в той или иной форме вступают в борьбу, отождествляемую с рабочим движением, и вносят в неё свои усовершенствования. Отказываясь не только от оплачиваемого труда, но и от неоплачиваемого труда в области общественного воспроизводства, они подчеркивают *незаменимую роль последнего в капиталистическом обществе*. Сделав видимой власть женщин, они ставят под сомнение слова профсоюзов о том, что именно они «руководят» забастовкой. Свидетельствуя о своём нежелании принять существующий порядок, феминистские забастовщицы восстанавливают демократическую основу борьбы трудящихся, повторяя очевидное: забастовки — дело рабочего класса *в целом*, а не только его отдельных групп или организаций.

Потенциальные последствия этого носят весьма далеко идущий характер. Как мы отмечали выше, феминистские забастовки заставляют нас переосмыслить, что означает классовая борьба. Карл Маркс известен своей теорией рабочего класса как «универсального класса». Под этим выражением он имел в виду, что, борясь за преодоление собственной эксплуатации и угнетения, рабочий класс бросает вызов социальной системе, которая угнетает абсолютное большинство населения мира и тем

самым отстаивает интересы человечества в целом. Но последователи Маркса не всегда осознавали, что ни рабочий класс, ни человечество не являются чем-то неразличимым, однородным и что универсальности невозможно достигнуть, игнорируя различия. Мы до сих пор расплачиваемся за эти политические и интеллектуальные ошибки.

Тогда как неолибералы цинично превозносят «разнообразие», чтобы преуменьшить хищническую природу капитала, слишком многие левые по-прежнему придерживаются старой формулы, утверждая, что нас объединяет абстрактное и однородное понятие класса, и что феминизм и антирасизм могут лишь расколоть нас. Вместе с тем становится все более очевидно, что стандартный портрет воинствующего рабочего — белого мужчины — сильно не соответствует времени, да и вообще никогда времени не соответствовал. Как мы отмечаем в нашем *Манифесте*, в современном глобальном рабочем классе миллиарды женщин, мигранток и небелых людей. Этот класс ведёт свою борьбу не только на рабочем месте, но и в сфере общественного воспроизводства: от продовольственных бунтов, сыгравших центральную роль в арабских революциях, до движений против джентрификации, которые вывели людей на площадь Таксим в Стамбуле, к борьбе против жёсткой экономии и в защиту общественного воспроизводства, вдохновившей движение «Индигнадос».

Мы в своём *Манифесте* отвергаем обе точки зрения: и редукционистскую классовую модель, в которой рабочий класс воспринимается как пустая, однородная абстракция, и прогрессивно-неолиберальную, в которой разнообразие воспринимается как самоцель. Вместо них мы предложили универсализм, который приобретает свою форму и содержание благодаря многообразию низовой борьбы. Несомненно, различия, неравенство и иерархии, которые присущи капиталистическим социальным отношениям, порождают конфликты интересов среди угнетённых и эксплуатируемых. Само по себе увеличение количества фрагментированных движений не приведёт к возникновению прочных, широких альянсов, которые необходимы для преобразования общества. Но если мы не будем серьёзно относиться к нашим разногласиям, такие союзы станут полностью невозможны. Отнюдь не предлагая уничтожить или приуменьшить их, наш *Манифест* призывает к борьбе против того, чтобы капитализм использовал наши различия в качестве оружия.

Феминизм для 99 процентов воплощает в себе это представление об универсализме: он всегда находится в процессе становления, всегда открыт для преобразований и споров, и всегда обретает новое лицо благодаря солидарности. Феминизм для 99 процентов — это неутомимый антикапиталистический феминизм, который не будет удовлетворён достижением равного представительства для мужчин и женщин, пока нет реального равенства, никогда не удовлетворится формальными правами, пока нет справедливости, и никогда не будет удовлетворён демократией, пока свобода каждого и каждой не основана на свободе для всех.

ЧИНЦИЯ АРРУЦЦА

Доцентка философии в Новой школе социальных исследований. Одна из главных организаторок Международной женской забастовки в США и член редакционного коллектива журнала «Вью Поинт» (View Point).

ТИТИ БХАТТАЧАРЬЯ

Доцентка и директорка программы глобальных исследований в Университете Пердью. Одна из главных организаторок Международной женской забастовки в США и член редакционной коллегии журнала «Международное социалистическое обозрение» (International Socialist Review).

НЭНСИ ФРЭЙЗЕР

Профессорка философии и политики в Новой школе социальных исследований. Поддерживала Международную женскую забастовку, авторка фразы «феминизм для 99 процентов».

* Интервью с Нэнси Фрэйзер о том, что такое феминизм для 99 процентов: A Feminism Aimed at Liberating All Women Must Be Anti-Capitalist. Jacobin. 02.10.2019.
<https://www.jacobinmag.com/2019/10/nancy-fraser-feminism-anti-capitalist-99-percent-majority>

** Подробнее об этой истории и польском движении можно прочитать в статье «У нас отобрали то, что мы считали естественным». Анастасия Кальк. Лента.Ру. 18.10.2019.
<https://lenta.ru/articles/2019/10/18/poland/>

*** Лусия погибла в городе Мар-дель-Плата: двое мужчин привезли её в больницу, заявив, что девушка приняла большую дозу наркотиков. В ходе осмотра врачи обнаружили следы сексуального насилия, а через несколько часов Лусия умерла от сердечного приступа, вызванного болевым шоком. Двое подозреваемых были задержаны, им предъявлены обвинения в изнасиловании и убийстве. *(Здесь и далее примечания редактора.)*

**** Ни одной больше [мёртвой женщины] — требование прекратить фемициды — убийства женщин.

***** Далит — «неприкасаемые». Общее наименование ряда каст, занимающих самое низкое место в кастовой иерархии Индии.

***** «Власть достойных», система, при которой высокие посты и положение в обществе занимают наиболее талантливые и компетентные люди, независимо от происхождения, богатства или связей.

***** В настоящий момент в феминистской теории идут значительные дискуссии по переопределению слова «забота» — обычно оно используется в повседневной речи, где ассоциируется с женщинами, а сейчас переопределяется как важный термин феминистской политики.

***** Макиладора — промышленное предприятие сборочно-конвейерного характера с явными признаками международного разделения труда. Как правило, учредителями и главными управляющими макиладоры являются главы крупных иностранных корпораций — в первую очередь США, которые переносят сборку товаров в развивающиеся страны с дешёвой рабочей силой.

***** Гендерная флюидность — периодически возникающая смена гендерной идентичности у одного и того же индивидуума.

***** Дериватив — это специальный (экологический) контракт, в соответствии с которым одна из сторон (житель загрязненной территории) «перекладывает» риск своему здоровью на другую сторону (за премию, которую, однако, оплачивает не сам житель, а источник выбросов — загрязнитель).

***** Зона экспортной переработки — зона с беспошлинным режимом ввоза товаров для целей их переработки и последующего реэкспорта.

Перевод: Наум Демьянов

Научная редакция: Анастасия Кальк

Редактура: Мария Нестеренко

Корректурa: Фаина Зоина

Вёрстка: Владимир Барчинский

Обложка: Павел Коршунов

Гарнитура PT Serif

Формат 80x108/32

Тираж 1000 экз.

Радикальная теория и практика

www.rtpbooks.info

common place

www.common.place

Примечания

1

Интервью с Нэнси Фрэйзер о том, что такое феминизм для 99 процентов: A Feminism Aimed at Liberating All Women Must Be Anti-Capitalist. Jacobin. 02.10.2019.
<https://www.jacobinmag.com/2019/10/nancy-fraser-feminism-anti-capitalist-99-percent-majority>

2

Подробнее об этой истории и польском движении можно прочитать в статье «У нас отобрали то, что мы считали естественным». Анастасия Кальк. Лента.Ру. 18.10.2019.
<https://lenta.ru/articles/2019/10/18/poland/>

3

Лусия погибла в городе Мар-дель-Плата: двое мужчин привезли её в больницу, заявив, что девушка приняла большую дозу наркотиков. В ходе осмотра врачи обнаружили следы сексуального насилия, а через несколько часов Лусия умерла от сердечного приступа, вызванного болевым шоком. Двое подозреваемых были задержаны, им предъявлены обвинения в изнасиловании и убийстве. *(Здесь и далее примечания редактора.)*

4

Ни одной больше [мёртвой женщины] — требование прекратить фемициды — убийства женщин.

5

Далит — «неприкасаемые». Общее наименование ряда каст, занимающих самое низкое место в кастовой иерархии Индии.

6

«Власть достойных», система, при которой высокие посты и положение в обществе занимают наиболее талантливые и компетентные люди, независимо от происхождения, богатства или связей.

В настоящий момент в феминистской теории идут значительные дискуссии по переопределению слова «забота» — обычно оно используется в повседневной речи, где ассоциируется с женщинами, а сейчас переопределяется как важный термин феминистской политики.

8

Макиладора — промышленное предприятие сборочно-конвейерного характера с явными признаками международного разделения труда. Как правило, учредителями и главными управляющими макиладоры являются главы крупных иностранных корпораций — в первую очередь США, которые переносят сборку товаров в развивающиеся страны с дешёвой рабочей силой.

Гендерная флюидность — периодически возникающая смена гендерной идентичности у одного и того же индивидуума.

Дериватив — это специальный (экологический) контракт, в соответствии с которым одна из сторон (житель загрязненной территории) «перекладывает» риск своему здоровью на другую сторону (за премию, которую, однако, оплачивает не сам житель, а источник выбросов — загрязнитель).

Зона экспортной переработки — зона с беспошлинным режимом ввоза товаров для целей их переработки и последующего реэкспорта.